This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Vet.
PG
2.6.

Digitized by Google

Confined to Library
Vet. ~~Slav II B 20~~

Vet. PG 3313. D53. A6. S8
(2). Ed. 6
Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

СТИХОТВОРЕНІЯ

ИВАНА ИВАНОВИЧА

ДМИТРІЕВА.

Digitized by Google

Digitized by Google

СТИХОТВОРЕНІЯ

ИВАНА ИВАНОВИЧА

ДМИТРІЕВА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Chérissons le rival qui peut nous surpasser;
Montrez moi mon vainqueur, et je cours l'embrasser.

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ,

исправленное и уменьшенное.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Н. Греча.

1823.

Digitized by Google

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлены были семь экземпляровъ въ С. Петербургскій Цензурный Комитетъ, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Санктпетербургъ, Октября 27 дня 1821 года.

Цензоръ А. Бирюковъ.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Сказки.

	Стр.
Воспитаніе Льва	7
Искатели Форшуны	12
Калифъ	17
Каршина	19
Воздушныя башни	24
Модная жена	32
Причудница	40

Басни.

Книга первая.

Дубъ и Трость	59
Пѣшухъ, Котъ и Мышенокъ	61
Мышь, удалившаяся отъ свѣта	63
Чижикъ и Зяблица	65
Лиса проповѣдница	67
Ласточка и Пѣнички	70
Часовая спрѣлка	73
Человѣкъ и Конь	74
Лебедь и Гагары	76
Ружье и Заяцъ	77
Орелъ, Кипъ, Ужъ и Усприца	79
Каретныя Лошади	81
Два Голубя	82
Орелъ и Змѣя	87
Змѣя и Пѣявица	89

Книга вторая.

Мудрецъ и Поселянинъ	91
Воробей и Зяблица	94

Digitized by Google

Стр.

Исторія 95
Прохожій 97
Муха 98
Два друга 99
Донъ Кишотъ 101
Совѣсть 104
Придворный и Протей 106
Слѣпецъ и Разслабленный 108
Отецъ съ сыномъ 110
Супъ изъ костей 111
Пчела и Муха 112
Слонъ и Мышь 113
Быкъ и Корова 114
Бобръ, Кабанъ и Горностай 115

Книга третія.

Копъ, Ласточка и Кроликъ 119
Жаворонокъ съ дѣтьми и Земледѣлецъ 122
Верблюдъ и Носорогъ 125
Рысь и Кротъ 126
Истуканъ и Лиса 128
Желанія 129
Нищій и Собака 133
Сверчки 134
Оселъ и Кабанъ 136
Летучая Рыба 137
Три Путешественника 138
Орелъ и Каплунъ 140
Магнитъ и Желѣзо 141
Старикъ и трое Молодыхъ 142
Левъ и Комаръ 144
Царь и два Пастуха 146
Смерть и Умирающій 149

Digitized by Google

Попечитель Высочайше утвержденнаго Санкшпетербургскаго Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности, Иванъ Ивановичь Дмитріевъ, предложилъ оному напечатать новое изданіе сочиненій своихъ, для обращенія вырученной тѣмъ суммы на благотвореніе, которое вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ составляетъ сугубую цѣль Общества.

Общество, съ своей стороны, желало споспѣшествовать благородному сему намѣренію исправностію предпринятаго имъ изданія, украсило оное портретомъ почтеннаго Автора, и присовокупило его біографію, составленную Членомъ его Княземъ П. А. Вяземскимъ, которая напечатана сокращенно.

Digitized by Google

Издавая вновь творенія Писателя, по справедливости занимающаго отличнѣйшее мѣсто въ Пантеонѣ Россійской Поэзіи, Общество увѣрено, что благосклонное вниманіе отечественной Публики къ сему изданію будетъ равняться той признательности, съ коею оно приняло сіе великодушное пожертвованіе.

Digitized by Google

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Digitized by Google

Digitized by Google

СТИХОТВОРЕНІЯ

ИВАНА ДМИТРІЕВА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Chérissons le rival qui peut nous surpasser;
Montrez moi mon vainqueur, et je cours l'embrasser.

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ,

ИСПРАВЛЕННОЕ И УМЕНЬШЕННОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Н. Греча.

1822.

Digitized by Google

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлены были семь экземпляровъ въ С. Петербургскій Цензурный Комитетъ, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Санктпетербургъ, Октября 27 дня 1821 года.

Цензоръ А. Бирюковъ.

Digitized by Google

СКАЗКИ.

Digitized by Google

Digitized by Google

СКАЗКИ.

I.

ВОСПИТАНІЕ ЛЬВА.

У Льва родился сынъ. Въ столицѣ, въ городахъ,
Во всѣхъ его странахъ,
Пошѣшные огни, веселья, жертвы, оды.
Мохнатые пѣвцы всѣ въ запуски кричашъ:
„Скачи земля! взыграйше воды!
У Льва родился сынъ!“ И въ правду, кшо не радъ?
Межь шѣмъ, когда всякъ звѣрь восшоргомъ упивался,
Царь-Левъ, какъ умный звѣрь, забошамъ предавался,
Кому бы на руки дишя свое ошдашь:
Наставникъ долженъ быпь уменъ, ученъ, незлобенъ!
Кшо бъ изъ звѣрей къ шому былъ болѣе способенъ?
Не шушка скоро ошгадашь.
Царь, въ нерѣшимосши, велѣлъ совѣшъ собрашь;
Въ благоволенiи своемъ его увѣря,
Препоручилъ избрашь ему,
По чисшой совѣсши, по долгу своему,
Для сына въ Меншоры досшойнѣйшаго звѣря.

TAYLOR INST. OXFORD
Digitized by Google

Вспалъ Тигръ, и говоритъ:
Война, война Царей великими творитъ;
Твой сынъ, о Государь, быть долженъ страхомъ свѣта;
И такъ, образовать его младыя лѣта
Лишь тотъ способенъ изъ звѣрей,
Который всѣхъ по Львѣ ужаснѣй и страшнѣй. —
И осторожнѣе, Медвѣдь къ тому прибавилъ:
Чтобъ онъ младаго Льва наставилъ
Умѣть и храбростью своею управлять. —
Противу мнѣнья двухъ Лисъ идти не можно;
Однако жь, такъ и сякъ начавъ она вилять
Замѣтила, что дядькѣ должно
Знать и политику, быть хитраго ума,
Короче: какова сама.
За нею тотъ и тотъ свой голосъ подавали,
И всѣ они, хотя себя не называли,
Но ясно намекали,
Что въ дядьки лучше ихъ ужь нѣкого избрать:
Совѣты и вездѣ почти на эту стать.
„Позволено ль и мнѣ сказать четыре слова?
Собака, наконецъ, свой голосъ подала:
Политики, войны нѣтъ слѣдствія другова,
Какъ много шума, много зла.
Но славенъ добрый Царь коварствомъ ли и кровью?

Digitized by Google

Какъ подданныхъ своихъ составитъ щастье онъ?
Какъ будетъ ихъ отцемъ? Чѣмъ утвердитъ свой тронъ?
Любовью.
Вотъ таинство, вотъ ключь къ высокой и святой
Наукѣ добраго правленья!
Кто жь Принцу лучшія подастъ въ ней наставленья?
Никто, какъ самъ отецъ. "Тигръ смотритъ какъ шальной,
Медвѣдь, другіе то жь; а Левъ отъ умиленья
Заплакавъ, бросился Собаку обнимать.
„Почто, сказалъ, давно не могъ тебя я знать?
О добрый звѣрь! тебѣ вручаю
Я щастіе мое и подданныхъ моихъ;
Будь сыну моему наставникомъ! Я знаю,
Сколь пагубны льстецы: укрой его отъ нихъ,
Укрой и отъ меня — въ твоей онъ полной волѣ."
Собака отъ Царя идетъ съ дитятей въ поле,
Лелѣетъ, пѣстуетъ, и учитъ между тѣмъ.
Урокъ былъ первый тотъ, что онъ щенокъ, не Львенокъ,
И въ дальнемъ съ нимъ родствѣ. Проходитъ день за днемъ,
Уже питомецъ не ребенокъ,
Уже наставникъ съ нимъ обходитъ всѣ страны,
Которыя въ удѣлъ отцу его даны;
И Львенокъ въ первый разъ узналъ насильство власти,
Народовъ нищету, звѣрей худыя страсти:

Digitized by Google

Лиса ѣстъ Кроликовъ, а Волкъ душитъ Овецъ,
Оленя давитъ Барсъ; повсюду накднецъ
Могущіе богаты,
Безсильные отъ нихъ кряхтятъ,
Быки работаютъ безъ платы,
А Обезьяну золотятъ.
Левъ молодой дрожитъ отъ гнѣва.
„Наставникъ, онъ сказалъ, подобныя дѣла
Доходятъ ли когда до свѣденья Царева?
Ахъ, сколько бѣдствій, сколько зла!“
Какъ могутъ доходить, Собака отвѣчаетъ:
Его одна толпа щастливцевъ окружаетъ,
А имъ не до того; а тѣ, кого съѣдятъ,
Не говорятъ. —
И такъ, нашъ Львеночикъ, безъ дальныхъ размышленій
О томъ, въ чемъ доброту и мудрость ставитъ свѣтъ,
И добръ сталъ и уменъ; но въ этомъ дива нѣтъ:
Примѣръ и опытность полезнѣй наставленій.
Онъ, въ доброй школѣ той взрастая, получилъ
Разсудокъ, мудрость, крѣпость тѣла;
Однако жъ все-еще не вѣдалъ, кто онъ былъ;
Но вотъ, какъ случай самъ о томъ ему открылъ.
Однажды на пути Собака захотѣла
Взять отдыхъ, и легла подъ тѣнію деревъ.

Digitized by Google

Вдругъ выскочилъ злой Тигръ, разинулъ страшный зѣвъ,
И прямо къ ней — но Левъ,
Закрывъ ее собою,
Взмахнулъ хвостомъ, затрясъ косматой головою,
Взревѣлъ — и Тигръ уже растерзанный лежитъ!
Потомъ онъ въ радости къ наставнику бѣжитъ,
И вопитъ: побѣдилъ! благодарю судьбину!
Но я ль то былъ, или нѣтъ?... Повѣришь ли, отецъ,
Что въ этотъ мигъ, когда твой близокъ былъ конецъ,
Я вдругъ почувствовалъ и жаръ и силу львину;
Я точно.... былъ какъ Левъ!—„Не ложно, Левъ и есть,
Наставникъ отвѣчалъ, облившися слезами.
Готовься важную услышать, сынъ мой, вѣсть:
Отнынѣ.... кончилось равенство между нами;
Ты Царь мой! поспѣшимъ возвратомъ ко двору.
Я все употребилъ, что могъ, тебѣ къ добру;
Но ты.... и радости и грусти мнѣ причина!
Прости, о Государь, невольно слезы лью....
Отечеству отца даю,
А самъ.... теряю сына!“

Digitized by Google

II.

ИСКАТЕЛИ ФОРТУНЫ.

Кто на своемъ вѣку Фортуны не искалъ?
Что, если бъ силою волшебною какою
Всевидящимъ я сталъ,
И вдругъ открылись предо мною
Всѣ тѣ, которые и ѣдутъ и ползутъ,
И скачутъ и плывутъ,
Изъ царства въ царство рыщутъ,
И дочери Судьбы отмѣнной красоты
Иль убѣгающей мечты,
Безъ отдыха столь жадно ищутъ?
Бѣдняжки! жаль мнѣ ихъ: ужь, кажется, въ рукахъ...
Ужь сердце въ восхищеньи бьется...
Вотъ только что схватитъ...хоть какъ,такъ увернется,
И въ тысячѣ уже верстахъ!
„Возможно ль, многіе, я слышу, разсуждаютъ:
Давно ль такой-то въ насъ искалъ?
А нынѣ какъ онъ пышенъ сталъ!
Онъ въ щастіи растетъ; а насъ за грязь кидаютъ!
Чѣмъ хуже мы его?“ — Пусть лучше во сто разъ,
Но что вашъ умъ и все? Фортуна вѣдь безъ глазъ;

Digitized by Google

А къ этому прибавимъ:

Чинъ стоитъ ли того, что для него оставимъ
Покой, покой души, даръ лучшій всѣхъ даровъ,
Который въ древности удѣломъ былъ боговъ?
Фортуна женщина: умѣрьте вашу ласку;
Не бѣгайте за ней, сама смягчится къ вамъ.
Такъ милый Лафонтенъ давалъ совѣты намъ,
И сказывалъ въ примѣръ почти такую сказку.

Въ деревнѣ ль, въ городкѣ,
Одинъ съ другимъ не вдалекѣ,
Два друга жили;
Ни скудны, ни богаты были.
Одинъ все щастье ставилъ въ томъ,
Чтобы нажить огромный домъ,
Деревни, знатный чинъ — то и во снѣ лишь видѣлъ;
Другой богатствъ не ненавидѣлъ,
Однако жъ ихъ и не искалъ,
А кажду ночь покойно спалъ.

„Послушай, другъ ему однажды предлагаетъ:
На родинѣ ни кто пророкомъ не бываетъ;
Чего жъ и намъ здѣсь ждать? со временемъ сумы.
Поѣдемъ лучше мы
Искать себѣ добра; войти, сказать умѣемъ;
Авось и мы найдемъ, авось разбогатѣемъ.“ —

Digitized by Google

Ступай, сказалъ другой,
А я останусь; мнѣ дорогъ мой покой,
И буду спать, пока мой другъ не возвратится. —
Тщеславный этому дивится,
И ѣдетъ. На пути встрѣчаетъ цѣпи горъ,
Встрѣчаетъ много рѣкъ, и напослѣдокъ встрѣтилъ
Ту самую страну, куда издавна мѣтилъ:
Любимый уголокъ Фортуны, то есть, дворъ;
Не дожидаясь ни зову, ни наряду,
Приспалъ къ нему, и по обряду
Всѣхъ жителей его онъ началъ посѣщать:
Тамъ стрѣлкою стоитъ, не смѣя и дышать,
Здѣсь шакаетъ изъ всей онъ мочи,
Тутъ шепчетъ на ушко; — короче: дни и ночи
Нашъ витязь самъ не свой;
Но все то было въ тщѣ!
„Что за диковинка! онъ думаетъ: стой, стой,
Да слушай объ одной Форшунѣ,
А самъ все ничего!
Нѣтъ, нѣтъ! шакая жизнь несноснѣе всего!
Слуга покорнѣй вамъ, господчики, прощайте,
И впредь меня не ожидайте;
Въ Сурашъ, въ Сурашъ лечу! я слышалъ въ сказкахъ, тамъ
Форшунѣ съ давнихъ лѣтъ куришся ѳиміамъ....“

Digitized by Google

Сказалъ, прыгнулъ въ корабль, и волны забѣлѣли.
Но что же? не прошло недѣли,
Какъ странствователь нашъ отправился въ Сурашъ,
А часто, часто онъ поглядывалъ назадъ,
На родину свою: корабль то загорался,
То на мѣль попадалъ, то въ хляби погружался;
Всечасно въ трепетѣ, отъ смерти на вершокъ;
Бѣднякъ бѣсился, клялъ — извѣстно, лютый рокъ,
Себя, и всѣмъ, и всѣмъ изрядна пѣсня пѣта!
Безумцы! онъ судилъ: на край приходимъ свѣта
Мы смерть ловить, а къ ней и дома три шага! —
Синѣютъ между тѣмъ Индійски берега,
Попутный дунулъ вѣтръ; по крайней мѣрѣ къ спашѣ
Пришло мнѣ такъ сказать, и онъ уже въ Сурашѣ!
„Фортуна здѣсь?“ его былъ первый всѣмъ вопросъ. —
Въ Японіи, сказали.
„Въ Японіи? вскричалъ Герой, повѣся носъ.
Быть такъ! плыву туда.“ — И поплылъ; но къ печали
Разъѣхался и тамъ съ Фортуною слѣпой!
„Нѣтъ! полно, говоритъ, гоняться за мечтой.“ —
И съ первымъ кораблемъ въ отчизну возвратился.
Завидя издали отеческихъ боговъ,
Родимый ручеекъ, домашній милый кровъ,
Нашъ мореходецъ прослезился,

Digitized by Google

И, опъ дуци вздохнувъ, сказалъ:

„Ахъ! щастливъ, щастливъ тотъ, кто лишь по слуху
зналъ

И дворъ и океанъ и о слѣпой богинѣ!

Умѣренность! съ тобой раздолье и въ пустынѣ.“

И такъ, съ восторгомъ онъ и въ сердцѣ и въ глазахъ,

Въ отчизну наконецъ вступаетъ;

Летитъ ко другу, — что жь? какъ друга обрѣтаетъ?

Онъ спитъ, а у него Фортуна въ головахъ!

Digitized by Google

III.

КАЛИФЪ.

Пропивъ Калифова огромнаго дворца
Стояла хижина, безъ кровли, безъ крыльца,
Издавна ветхая и близкая къ паденью,
Едва ль приличная и самому смиренью.
Согбенный старостью ремесленникъ въ ней жилъ;
Однако онъ еще по мѣрѣ силъ трудился,
Ни злыхъ, ни совѣстно, ни мало не стращился,
И *тихимъ вечеромъ* своимъ доволенъ былъ.
Но хижиной его Визирь сталъ недоволенъ:
„Терпимъ ли — онъ своимъ разсчитывалъ умомъ —
Видъ бѣдности передъ дворцомъ?
Но развѣ Государь сломать ее не воленъ?
Подамъ ему докладъ, и хижинѣ не быть.
На этотъ разъ Визирь обманутъ былъ въ надеждѣ.
Докладъ подписанъ такъ: „*быть по сему; но прежде*
Строенье ветхое купить.“
Послали Кадія съ сосѣдомъ торговаться;
Кладутъ предъ нимъ на столъ съ червонцами мѣшокъ.
„Мнѣ въ деньгахъ нужды нѣтъ, сказалъ имъ простачокъ:
А съ домомъ ни за что не можно мнѣ разстаться;

Digitized by Google

Я въ немъ родился, въ немъ скончался мой отецъ,
Хочу, чтобъ въ немъ же Богъ послалъ и мнѣ конецъ.
Калифъ конечно самовластенъ,
И каждый подданный къ нему подобострастенъ;
Онъ можетъ при моихъ глазахъ
Развѣять въ мигъ гнѣздо мое, какъ прахъ;
Но что жъ послѣдуетъ? Нещастнымъ слезы въ пищу:
Я всякой день приду къ родиму пепелищу;
Возсяду на кирпичь съ поникшей головой
Небеснаго подъ кровомъ свода,
И буду предъ отцемъ народа
Оплакивать мой жребій злой!“
Отвѣтъ былъ Визирю до слова пересказанъ,
А тотъ спѣшитъ объ немъ Калифу донести:
Тебѣ ли, Государь, отказъ такой снести?
Уже ль останется рабъ дерзкой не наказанъ?
Калифу говорилъ Визирь на единѣ.
„Да! подхватилъ Калифъ, отвѣтъ угоденъ мнѣ;
И я тебѣ повелѣваю:
Впредь помня навсегда, что въ правдѣ нѣтъ вины,
Исправить хижину на счетъ моей казны;
Я съ нею только жить въ потомкахъ уповаю;
Да скажетъ имъ дворецъ: такой-то пышно жилъ;
А эта хижина: онъ правосуденъ былъ!“

Digitized by Google

IV.

КАРТИНА.

Ужь ночь на Петербургъ спустила свой покровъ;
Уже на чердакахъ у многихъ изъ шворцовъ
Погасла свѣчка и курилась,
И ихъ объятая восторгомъ голова
На риѳмы и слова
Сама собой скатилась.
Козлова ученикъ
Въ своемъ уединеньи,
Сидѣвшій съ Геніемъ въ глубокомъ размышленьи,
Вдругъ слышитъ стукъ и крикъ:
Гдѣ, гдѣ онъ? Тамъ? А! здѣсь? — и видитъ предъ собою
Кого жь? — Князь Вѣтровъ шаркъ ногою! —
„Слуга покорнѣйшій! а я, оставя балъ,
Заѣхалъ на часокъ за собственнымъ къ вамъ дѣломъ.
Я слышалъ, въ городѣ васъ всѣ зовутъ Апелломъ:
Не можете ли вы мнѣ кистію своей
Картину написать? да только поскорѣй!
Вотъ содержаніе: Гименъ, то есть, богъ брака,
Не тотъ, что пишется у насъ сапунъ, зѣвака,
Иль плакса, иль брюзга; но легкой, милый богъ,
Который бы привлечь и труженика могъ —

Digitized by Google

Гименъ, и съ нимъ Амуръ, всегда въ восторгѣ новомъ,
Веселой, миленькой, и живчикъ однимъ словомъ,
Взявъ за руки меня, подводятъ по цвѣтамъ,
Разбросаннымъ по всѣмъ мѣстамъ,
Къ прекрасной дѣвушкѣ, боготворимой мною —
Я завтра привезу портретъ ея съ собою —
Владычица моя въ пятнадцатой веснѣ,
Вручаетъ розу мнѣ;
Вокругъ нее толпой Забавы, Игры, Смѣхи;
Вдали жь, подъ миртами, престолъ Любви, утѣхи,
Усыпанъ розами, и весь почтенъ въ тѣни
Деревъ, гдѣ вѣтерокъ заснулъ среди листочковъ . . .
Да! не забыть при томъ и страстныхъ голубочковъ —
Вотъ слабый вамъ эскизъ! Чрезъ два, четыре дни,
Картина, думаю, уж можетъ быть готова;
О благодарности жь моей теперь ни слова:
Докажетъ опытъ вамъ — прощайте!“ И — исчезъ.
Проходитъ ночь; съ зарей, разлившей свѣтъ съ небесъ,
Художникъ нашъ за кисть — старается, трудится:
Что ко лбу перстъ, то мысль родится,
И что черта,
То нова красота.
Уже творецъ картины
Свершилъ свой трудъ до половины,

Digitized by Google

Какъ вдругъ
Почувствовалъ недугъ,
И животворна кисть изъ слабыхъ рукъ упала.
Минута между тѣмъ желанная настала:
Князь Вѣщровъ женится, хотя картины нѣтъ.
Уже онъ райскіе плоды во бракѣ жнетъ;
Что день, то новый даръ въ возлюбленной Княгинѣ;
Мила, божественна, при всѣхъ и на единѣ.
Ужь мѣсяцъ брака ихъ протекъ,
И Апеллесову болѣзнь съ собой увлекъ.
Благодаря судьбину,
Искусникъ нашъ съ постели всталъ,
Съ усердьемъ принялся дописывать картину,
И въ три дни дописалъ.
Божественный талантъ! изящное искуство!
Какой огонь! какое чувство!
Но полно, поспѣшимъ мы съ нею къ Князю въ домъ.
Князь вышелъ въ шлафрокѣ, нахлученъ колпакомъ,
И сонными взглянувъ на живопись глазами:
„Я болѣе, сказалъ, доволенъ былъ бы вами,
Когда бы выдумка была
Не столь игрива, весела.
Согласенъ я, она нѣжна, остра, прекрасна;
Но для женатаго.... ужь слишкомъ любострастна!

Digitized by Google

Не можно ли ее поправишь какъ-нибудь!...
Какой морозъ! моя ужасно терпнитъ грудь:
Прощайте!" Апеллесъ, разставшись съ сумасброднымъ,
Засѣлъ картину поправлять
Съ терпѣніемъ, артисту сроднымъ;
Иное въ ней стирать, иное убавлять,
Соображаяся съ послѣднимъ Князя вкусомъ.
Три мѣсяца пробывъ картина подъ искусомъ,
Представилась опять сіятельнымъ глазамъ;
Но ахъ! знать было такъ угодно небесамъ:
Сіянье ихъ совсѣмъ затмилось,
И ужь почти ничто въ картинѣ не годилось. —
„Возможно ль?.... это я?
Вскричалъ супругъ почти со гнѣвомъ:
Вы сдѣлали меня совсѣмъ уже *Хоревомъ* *,
Ужь слишкомъ пламеннымъ... да и жена моя
Здѣсь сущая Венера!
Нѣтъ, не прогнѣвайтесь, во всемъ должна быть мѣра!
Такъ о картинѣ Князь судилъ,
И каждый день онъ въ ней пороки находилъ.
Чѣмъ болѣе она висѣла,
Тѣмъ болѣе предъ нимъ погрѣшностей имѣла;

* Дѣйствующее лице въ трагедіи Г. Сумарокова.

Digitized by Google

Тѣмъ строже переборъ отъ Князя былъ всему:
Уже не взмилились и Граціи ему,
Потомъ и одръ Любви, и миртовы кусточки;
Потомъ и нѣжные слетѣли голубочки;
Потомъ и Смѣхи всѣ велѣлъ закрасить онъ,
А наконецъ, увы! вспорхнулъ и Купидонъ.

Digitized by Google

V.

ВОЗДУШНЫЯ БАШНИ.

Утѣшно вспоминать подъ старость дѣтски лѣты;
Забавы, рѣзвости, различные предметы,
Которые тогда увеселяли насъ!
Я часто и въ гостяхъ хозяевъ забываю;
Сижу, повѣся носъ; нѣтъ ни ушей, ни глазъ;
Всѣ думаютъ, что я взмостился на Парнассъ;
А я... признаться вамъ, игрушкою играю,
Которая была
Мнѣ въ дѣтствѣ такъ мила;
Иль въ память привожу, какою мнѣ отрадой
Бывалъ тотъ день, когда урокъ мой окончавъ,
Набѣгаясь въ саду, устав отъ забавъ,
И бросясь на постель, займусь *Шехеразадой*. *
Какъ сказки я ея любилъ!
Читая ихъ... прощай учитель,
Симбирскъ и Волга!... все забылъ!
Уже я всей вселенны зритель,
И вижу тамъ и сямъ и карловъ и духовъ,

* Лице изъ Арабскихъ сказокъ: Тысяча одна ночь.

Digitized by Google

И Визирей рогашыхъ,
И рыбокъ золотыхъ, и лошадей крылашыхъ,
И въ видѣ Кадіевъ волковъ.
Но сколько нужно словъ,
Чтобъ все пересчишашь, друзья мои любезны!
Не лучше лъ вамъ я утожу,
Когда шеперь одну изъ сказочекъ скажу?
Я знаю, что онѣ неважны, безполезны;
Но все ли одного полезнаго искашь?
Для сказки и шого довольно,
Что слушаюшъ ее безъ скуки, добровольно,
И можешъ иногда улыбку съ насъ сорвашь.
Послушайше жъ. Во дни иль самаго Могола,
Или наслѣдника его престола,
Не знаю, города какого мѣщанинъ,
У коего дѣшей — одинъ былъ шолько сынъ,
Жилъ, жилъ, и наконецъ, по постоянной модѣ,
Послѣдній оштдалъ долгъ, какъ говорящъ, природѣ,
Оставя сыну домъ,
Да денегъ съ сотню драхмъ не болѣ.
Сынъ, проводя отца на общее всѣмъ поле,
Поплакалъ, погрустилъ, потомъ
Сшалъ думашь и о шомъ,
Какъ жишь своимъ умомъ.

Digitized by Google

Дай, говоритъ, куплю посуды я хрустальной
На всю мою казну,
И ею торговать начну:
Съ начала въ малой торгъ, а тамъ — авось и въ дальной!
Сказалъ, и сдѣлалъ шагъ; купилъ себѣ лубковъ,
Поспроилъ лавочку; потомъ купилъ тарелокъ,
Чашъ, чашекъ, чашечекъ, кувшиновъ, пузырьковъ,
Бутылей — мало ли какихъ еще бездѣлокъ! —
Все, все изъ хрусталя! — Склалъ въ коробъ весь товаръ,
И въ лавкѣ на полу поставилъ;
А самъ хозяинъ Альнаскаръ,
Ко стѣнкѣ прислонясь, глаза свои уставилъ
На коробъ, и съ собой въ слухъ началъ разсуждать:
„Теперь, онъ говоритъ, и Альнаскаръ купчина!
И Альнаскаръ пошелъ на стать!
Надежда, счастіе и будуща судьбина,
Иль лучше, вся моя казна,
Здѣсь въ коробѣ погребена —
Вотъ вздоръ какой мелю! — погребена?... пустое!
Она плодится въ немъ, и вѣрно черезъ годъ
Прибудетъ съ барышемъ по крайней мѣрѣ вдвое;
Двѣ сотни — хоть куда изрядненькой доходъ!
На нихъ.... еще куплю посуды; лучше пише —
И черезъ годъ еще двѣ сотни зашибу,

Digitized by Google

И также въ коробъ погребу.
И такъ годъ отъ году все выше, выше, выше,
Могу я, наконецъ, ужь быть и въ десяти,
И болѣе — тогда скажу моимъ товарамъ
Съ признательною къ нимъ улыбкою: прости!
И буду.... ювелиръ! Боярынямъ, боярамъ,
Начну я продавать алмазы, изумрудъ,
Лазурь и яхонты, и .... и — всего не вспомню!
Короче: золотомъ наполню
Не только лавку, цѣлый прудъ!
Тогда-то Альнаскаръ весь разумъ свой покажетъ!
Накупитъ лошадей, невольницъ, дачь, садовъ,
Евнуховъ и домовъ,
И дружбу свяжетъ
Съ знатнѣйшими людьми:
Ихъ дружба лишь на взглядъ спѣсива;
Нѣтъ! только кланяйся, да хорошо корми,
Такъ и полюбишься — она не прихотлива;
А у меня тогда
Всѣ тропки поростутъ Персидскимъ виноградомъ;
Шербетъ польется какъ вода;
Фонтаны брызнутъ лимонадомъ,
И масло розово къ услугамъ всѣхъ гостей.
А о столѣ уже ни слова:

Digitized by Google

Я только то скажу, что нѣтъ такихъ зашѣй,
Нѣтъ въ свѣтѣ кушанья такова,
Какова у меня не будетъ за столомъ!
И мой великолѣпный домъ
Храмъ будетъ роскоши для всѣхъ, кто мнѣ любезенъ,
Или властію своей полезенъ;
Всѣхъ буду угощать: Пашей, наложницъ ихъ,
Плясавицъ, плясуновъ и Кадіевъ лихихъ —
Визирскихъ подлипалъ. — И такъ умомъ, прудами,
А болѣ съ знатными водяся господами,
Легко могу войти въ чины и въ знатный бракъ...
Прекрасно! точно такъ!
Вдругъ гряну къ Визирю, который красотою
Земиры дочери по Азіи гремитъ;
Скажу ему: „вступи въ родство со мною;
Будь тестъ мой!“ Если онъ хоть чуть зашевелитъ
Проклятое губами,
Я вспыхну, и тогда прощайся онъ съ усами!
Но нѣтъ! Визирска дочь такъ вѣрно мнѣ жена,
Какъ на небѣ луна;
И я, по свадебномъ обрядѣ,
На утро, въ праздничномъ нарядѣ,
Весь въ камняхъ, въ жемчугѣ и въ златѣ какъ въ огнѣ,
Поѣду избочась, и гордо на конѣ,

Digitized by Google

Котораго чепракъ съ жемчужной бахрамою
Унизанъ бирюзою,
Въ домъ къ тестю Визирю. За мной и предо мною
Потянутся мои евнухи по два въ рядъ.
Визирь, еще вдали завидя мой парадъ,
Уже на крыльцѣ меня встрѣчаетъ,
И, въ комнаты введя, сажаетъ
По праву руку на диванъ,
Среди куреній благовонныхъ.
Я, сѣвши важно, какъ Султанъ,
Скажу ему: „Визирь! вотъ пысяча червонныхъ,
Обѣщанные мной тебѣ за перву ночь!
И сверхъ того еще вотъ пять, во увѣренье,
Сколь мнѣ мила твоя прекраснѣйшая дочь,
А съ ними и мое прими благодаренье.“
Потомъ три кошелька большихъ ему вручу,
И на конѣ стрѣлой къ Земирѣ полечу.
День этотъ будетъ днемъ любви и ликованій,
А завтра... о восторгъ! о верхъ моихъ желаній!
Лишь солнце выпрыгнетъ изъ водъ,
Вдругъ пробуждаюсь я отъ радостнаго клика,
И слышу: весь народъ,
Отъ млада до велика,
Толпами привалъ на дворъ,

Digitized by Google

Кричишь, составя хоръ:

„Да здравствуетъ супругъ Земиры!“

А въ залѣ знатность: Сераскиры,

Паши и прочіе стоятъ,

И ждутъ, когда войти съ поклономъ имъ велятъ.

Я всѣхъ ихъ допустить къ себѣ повелѣваю;

И тутъ-то важну роль вельможи начинаю:

У одного я руку жму;

Съ другимъ вступаю въ разговоры;

На третьяго взгляну, да и спиной къ нему.

А на тебя, Абдулъ, бросаю звѣрски взоры!

Раскаешься тогда, сѣдой прелюбодѣй,

Что разлучилъ меня съ Фатимою моей,

Съ которой около трехъ дней

Я жилъ душею въ душу!

О! я уже тебя не трушу;

А ты передо мной дрожишь,

Блѣднѣешь, падаешь, прахъ ногъ моихъ цѣлуешь, —

Помилуй, позабудь прошедшее! жужжишь....

Но нѣтъ прощенія! лишь пуще кровь взволнуешь;

И я, уже владѣть не въ силахъ самъ собой,

Ну по щекамъ тебя, по правой, по другой!

Пинками!“ И въ жару восторга нашъ мечтатель,

Визирскій гордый зять, Земиры обладатель,

Digitized by Google

Ногою въ коробъ толкъ: шопъ на бокъ; а хрусталь
Запрыгалъ, зазвенѣлъ, и — въ дребезги разбился! —
И шакъ, мои друзья, хошь жаль, хотя не жаль,
Но бѣдный Альнаскаръ — что дѣлашь! — разженился.

Digitized by Google

VI.

МОДНАЯ ЖЕНА.

Ахъ, сколько я въ мой вѣкъ бумаги исписалъ!
Той пѣсню, той сонетъ, той лестный мадригалъ;
А вы, о нѣжные мужья подъ сѣдиною!
Ни строчкой не были порадованы мною:
Простите въ томъ меня; я молодъ, вѣтренъ былъ,
Такъ диво ли, что васъ забылъ?
А нынѣ вяну самъ; на лбу моемъ морщины
Велятъ уже и мнѣ
Подобной вашей ждать судьбины,
И о Цитерской сторонѣ
Лишь въ сказкахъ вспоминать; а были, небылицы,
Я знаю, старикамъ разглаживаютъ лицы:
Такъ слушайте меня, я сказку вамъ начну
Про модную жену.

Пролазъ, въ теченіе полвѣка,
Все ползъ, да ползъ, да билъ челомъ,
И наконецъ, такимъ невиннымъ ремесломъ
Доползъ до степени извѣстна человѣка,

Digitized by Google

То есть, сталъ съ именемъ — я говорю вѣдь шакъ,
Какъ говорится въ свѣтѣ:
То есть, сталъ ѣздить онъ шестеркою въ каретѣ;
Потомъ вступилъ онъ въ бракъ
Съ пригожей дѣвушкой, которая жить умѣла,
Была умна, ловка,
И старика
Вертѣла, какъ хотѣла;
А старикамъ такой законъ,
Что если кто изъ нихъ вскружитъ себя вертушкой,
То не она уже, а онъ
Будь долженъ наконецъ игрушкой;
Хошь радъ, хотя не радъ,
Но поступать съ женою въ ладъ
И рубль подъ часъ считать полушкой.
Пролазъ хотя пролазъ, но мужъ какъ и другой,
И также, какъ и всѣ, цѣною дорогой
Платилъ женѣ за нѣжны ласки;
Узналъ и онъ, что блонды, каски,
Что крепъ, лино-батистъ, шамбурна кисея.
Однажды бывъ жена — вотъ тутъ бѣда моя!
Какъ лучше изъяснить, не приберу я слова —
Не такъ чтобы больна, не такъ чтобы здорова,
А такъ... ни то, ни сё... какъ будто не своя,

Digitized by Google

Супругу говоритъ: „послушай, жизнь моя,
Мнѣ къ празднику нужна обнова:
Пожалуй у мадамъ Бобри купи шюрбанъ;
Да слушай, душенька: мнѣ хочется экранъ
Для моего камина;
А опъ нее вѣдь три шага
До Англійскаго магазина;
Да если бъ шамъ еще... нѣтъ, слишкомъ дорога!
А *ужасть* какъ мила!“ Да что, мой свѣтъ, такое?
„Нѣтъ, папинька, шакъ, шакъ, пустое...
По чести, мнѣ твоихъ расходовъ жаль.“ —
Да что, скажи, откройся смѣло;
Расходы знать мое, а не твое ужь дѣло.
„Меня... стыжусь... плѣнила *шаль*;
Послушай, ангелъ мой! она такая точно,
Какую, помнишь ты, выписывалъ нарочно
Князь для Княгини, какъ у Князя праздникъ былъ.“
Съ послѣднимъ словомъ прыгъ на шею,
И чокъ два раза въ лобъ, примолвя: какъ ты милъ! —
Изволь, изволь, я радъ со всей моей душею
Услуживать тебѣ, мой свѣтъ!
Былъ мужнинъ ей отвѣтъ;
Карету!... только врядъ поспѣть ужь мнѣ къ обѣду!
Да я... въ Дворянской клубъ отколѣ заверну.

Digitized by Google

„Ахъ, мой жизнёночикъ! какъ шёшишь ты жену!
Ступай же, *Ваничка*, скорѣе.“ — Ѣду, ѣду! —
И Ваничка сѣдой,
Простясь съ женою молодой,
Въ карету съ помощью двухъ долгихъ слугъ впящился,
Сѣлъ, крякнулъ, покашился.
Но онъ лишь со двора, а гость къ нему на дворъ —
Угодникъ дамской, *Миловзоръ*,
Взлетѣлъ на лѣстницу и прямо порхъ къ уборной.
„Ахъ! я лишь думала! какъ милъ!“ — Слуга покорной.
„А я одна.“ — Однѣ? шѣмъ лучше! гдѣ же онъ?
„Кто? мужъ?“ — Вашъ нѣжный Купидонъ.
„Какой, по чести, ты ругатель!“
По крайней мѣрѣ я всѣхъ *милыхъ* обожатель.
Однако жь, это вѣдь не ложь,
Что другъ мой на него хоть нѣсколько похожъ;
„То есть, онъ также старъ, хотя не такъ прекрасенъ.“
Нѣтъ! я вамъ докажу. „О! этотъ прудъ напрасенъ.“ —
Безъ шутокъ, слушайте: тотъ слѣпъ, а этотъ кривъ;
Не сходны ли жь они! — „Ахъ, какъ ты злорѣчивъ!“
Простите, перестану....
Да! покажите мнѣ диванну:
Вѣдь я еще ее въ отдѣлкѣ не видалъ;
Ужь вѣрно это храмъ! храмъ вкуса. — „Отгадалъ.“ —

TAYLOR INST. OXFORD
Digitized by Google

Конечно и.... любви? — „Увы! еще не знаю.
Угодно поглядѣть?“ — Отъ всей души желаю. —
О бѣдный мужъ! спѣши, иль послѣ не тужи,
И отъ дивана ключь въ карманѣ ты держи:

Диванъ для городской вострушки,
Когда на немъ она самъ-другъ,
Опаснѣе, чѣмъ для пастушки
Средь рощицы зеленый лугъ.
И эта выдумка диванова,
По чести, месть намъ отъ Султановъ!

Но какъ ни разсуждай, а Миловзоръ ужь тамъ,
Разсматриваетъ все, любуется, дивится;
Амуръ же, прикорнувъ на столикѣ къ часамъ,
Приставилъ къ стрѣлкѣ перстъ, и стрѣлка не вертится,
Чтобъ двумъ любовникамъ, часовъ досадный бой
Не вспоминалъ того, что скоро возвратится
Вулканъ домой.
А онъ, какъ *въ руку сонъ*!... Судьбы того хотѣли!
На тяжкихъ вереяхъ ворота заскрыпѣли,
Бичь хлопнулъ, и супругъ съ торжественнымъ лицомъ
Явился на коняхъ усталыхъ предъ крыльцомъ.
Ужь онъ на лѣстницѣ, шапа въ рукахъ покупку,
Торопится свою обрадовать голубку;
Ужь онъ и въ комнатѣ, а вѣрная жена

Digitized by Google

Сидитъ, не думая объ немъ, и не одна.
Но вы, красавицы, одной съ *Премилой* масти,
Не ахайте объ ней и успокойте духъ!
Ея Пенаты съ ней, такъ ей ли ждать напасти?
Фиделька рѣзвая, ея надежный другъ,
Которая лежала,
Свернувшися клубкомъ,
На солнышкѣ передъ окномъ,
Вдругъ вспрепенулася, вскочила, побѣжала
Къ дверямъ, и, какъ разумный звѣрь
Приставила ушко, потомъ толкъ лапкой въ дверь,
Ушла, и возвратилась съ лаемъ.
Тогда жъ другой Пенатъ, зовомый Попугаемъ,
Три раза вѣстовой изъ клѣшки подалъ знакъ,
Вскричавши: *кто пришелъ? дуракъ!*
Премила вздрогнула, и *Миловзоръ* подобно;
И топъ, и па — о время злобно!
О непредвидѣнна бѣда! —
Бросаяся туда, сюда,
Рѣшились такъ, чтобъ ей оспаться,
А гостю спрятаться, хотя позадь дверей. —
О женщины! могу признаться,
Что вы гораздо насъ хитрѣй!
Кто могъ бы отгадать, чѣмъ кончилась тревога?

Digitized by Google

Мужъ, въ двери высшавя разцвѣтшіе два рога,
Вошелъ въ диванную, и видитъ, что жена
Въ полглаза на него глядитъ сквозь тонка сна;
Онъ ближе къ ней — она проснулась,
Зѣвнула, потянулась;
Потомъ,
Простерши къ мужу руки:
„Какимъ же, говоритъ ему, я крѣпкимъ сномъ
Заснула безъ тебя отъ скуки!
И знаешь ли, что мнѣ
Привидѣлось во снѣ?
Ахъ! и теперь еще въ восторгѣ ушопаю!
Послушай, миленькой! лишь только засыпаю,
Вдругъ вижу, будто ты ужь болѣе не кривъ;
Ну, если этотъ сонъ не лживъ?
Позволь мнѣ испытать.“ — И въ мигъ, не давъ супругу
Придти въ себя, одной рукой
Закрыла глазъ ему — здоровый, не кривой —
Другою же на дверь указывая другу,
Пролазу говоритъ: „что? видишь ли мой свѣтъ?“
Мужъ отвѣчаетъ: нѣтъ! —
„Ни крошечки?“ — Ни мало;
Такъ темно какъ теперь, еще и не бывало. —
„Ты шутишь?“—Право нѣтъ; да дай ты мнѣ взглянуть.—

Digitized by Google

„Прелестная мечта! Лукреція вскричала:
За чѣмъ польстила мнѣ, чтобъ послѣ обмануть!
Ахъ! другъ мой, какъ бы я желала,
Чтобы одинъ твой глазъ
Похожъ былъ на другой!“ — *Пролазъ*,
При нѣжности такой, не могъ стоять болваномъ;
Онъ самъ разнѣжился, и въ радости души
Супругу наградилъ и шалью и тюрбаномъ. —
Пролазъ! ты этотъ день во святцахъ запиши:
Примѣръ согласія! жена и мужъ съ обновой!
Но что записывать? примѣръ такой не новой.

Digitized by Google

VII.

ПРИЧУДНИЦА.

Въ Москвѣ, которая и въ древни времена
Прелестными была обильна и славна —
Не знаю подлинно, при коемъ Государѣ,
А только слышалъ я, что Русскіе бояре
Тогда ужь бросили запоры и замки,
Не запирали женъ въ высоки чердаки,
Но слѣдуя Нѣмецкой модѣ,
Ужь позволяли имъ въ пріятной жить свободѣ;
И свѣтская тогда жена
Могла безъ опасенья
Съ домашнимъ другомъ, или одна,
И на качеляхъ быть въ день Свѣтла Воскресенья,
И въ кукольной театръ отъ скуки завернуть,
И въ рощѣ Марьиной подъ тѣнью отдохнуть —
Въ Москвѣ, я говорю, *Вѣтрана* процвѣтала.
Она пригожествомъ лица,
Здоровьемъ и умомъ блистала;
Имѣла мать, отца;
Имѣла лестну власть щелчки давать супругу;
Имѣла, словомъ все: большой, шестовой домъ,

Digitized by Google

Съ берлинами сарай, изрядную услугу,
Гуслисша, карлицу, шушовъ и дуръ содомъ,
И даже двухъ сорокъ, которыя болтали
Такъ точно, какъ она — однакожь меньше знали.
Вѣтрана куколкой всегда разряжена,
И каждый день окружена
Знакомыми, родней и нѣжными сердцами;
Но всѣ они при ней казались быть льстецами,
За тѣмъ, что всякъ изъ нихъ завидовалъ по ей,
То цугу вороныхъ коней,
То парчевому ея платью,
И всякъ хотѣлъ бы жить съ такою благодатью.
Одна Вѣтрана лишь не вѣдала цѣны
Всѣхъ благъ, какія ей Фортуною даны;
Ни блескъ, ни дружество, ни пляски, ни забавы,
Ни самая любовь — вѣдь есть же на свѣту
Такіе чудны нравы! —
Не трогали мою надменну красошу.
Ей царствующій градъ казался пустъ и скученъ,
И всякъ, кто ни былъ ей знакомъ,
Съ какимъ нибудь да былъ пятномъ:
„Тотъ глупъ, другой уродъ, тотъ *ужасть** неразлученъ;

* Слово, употребительное и по нынѣ въ губерніяхъ.

Digitized by Google

Сердечкинъ поетъ все, вздыханьемъ гонитъ вонъ;
Такой-то все молчитъ и погружаетъ въ сонъ;
Та все чинится, та болтлива;
А эта слишкомъ зла, горда, самолюбива."
Такой отзывъ ея знакомыхъ всѣхъ отбилъ!
Родня и другъ ее забылъ;
Любовникъ разлюбилъ;
Пріѣздъ къ пригоженькой невѣжѣ
Часъ отъ часу сталъ рѣже, рѣже —
Осталась наконецъ лишь съ гордостью одной —
Успѣшно ли кому съ подругой жить такой,
Надутой, но пустой?
Она лишь пучитъ въ насъ, а не питаетъ душу!
Пожалуй, я въ глаза сказать ей то не струшу.
И такъ, Вѣтрана съ ней сначала, ну зѣвать,
Потомъ ужь и грустить, потомъ и тосковать,
И плакать, и гонцовъ повсюду разсылать
За крестной матерью; — а та, извольте знать,
Чудесной силою невѣдомой науки,
Творила на Руси неслыханныя штуки! —
О если бы возсталъ изъ гроба ты въ сей часъ,
Драгунской винязь мой, о ротмистръ Брамербасъ,
Ты бывшій столько лѣтъ въ Малороссійскомъ краѣ
Игралищемъ злыхъ вѣдьмъ!... Я помню, какъ во снѣ,

Digitized by Google

Что ты разсказывалъ еще ребенку мнѣ,
Какъ вѣдьма нѣкая въ сараѣ,
Оборотя тебя въ драгунскаго коня,
Гуляла на хребтѣ твоемъ до полуночи,
Доколѣ ты уже не выбился изъ мочи?
Какимъ ты ужасомъ разилъ тогда меня!
Съ какой бывало ты разсказывалъ размашкой,
Въ колетѣ палевомъ и въ длинныхъ сапогахъ,
За круглымъ столикомъ, дрожащимъ съ чайной чашкой!
Какой огонь тогда пылалъ въ твоихъ глазахъ!
Какъ волосы твои, сѣдые съ желтизною,
Въ природной простотѣ взвѣвали по плечамъ!
Съ какимъ безмолвіемъ ты былъ внимаемъ мною!
Въ подобномъ твоему я страхѣ былъ и самъ,
Стоялъ какъ вкопаный, тебя глазами мѣрилъ,
И что ужь ты не конь.... еще тому не вѣрилъ!
О если бы теперь ты, витязь мой, воскресъ,
Я бъ смѣлый былъ пѣвецъ неслыханныхъ чудесъ!
Не сталъ бы истину я закрывать подъ маску —
Но, ахъ, тебя ужь нѣтъ, и былъ идешъ за сказку.
Прости мнѣ! виноватъ! немного отступилъ;
Но, истинно, не я, восторгъ причиной былъ;
Однако я клянусь моимъ Пермесскимъ богомъ,
Что буду продолжать обыкновеннымъ слогомъ;

Digitized by Google

И такъ дослушайше жь. Однажды, вечеркомъ,
Сидитъ, облокотясь, Вѣшрана подъ окномъ,
И возведя свои уныло-ясны очи
Къ задумчивой лунѣ, сестрицѣ смуглой ночи,
Груститъ и думаетъ: „Прекрасная луна!
Скажи, не ты ли та щастливая страна,
Гдѣ матушка моя ликуетъ?
Увы! не уже ль ей, которой небеса
Вручили власть творить различны чудеса,
Невѣдомо теперь, что дочь ея тоскуетъ;
Что кресшница ея оставлена отъ всѣхъ,
И въ жизни ни какихъ не чувствуетъ утѣхъ?
Ахъ, если бы она хошь глазки показала!“
И съ этой мыслью вдругъ *Всевѣда* ей предстала.
Здорово, дишяшко! *Вѣтранѣ* говоритъ:
Какъ поживаешь ты?... Но что твой кажетъ видъ?
Ты такъ стара! такъ похудѣла!
И бывши розою, какъ лилія блѣдна!
Скажи мнѣ, отъ чего такъ скоро ты созрѣла?
Откройся... — „Матушка, отвѣтствуетъ она:
Я жизнь мою во скукѣ трачу;
Настанетъ день, тоскую, плачу;
Покроетъ ночь, опять грущу;
И все чего-то я ищу.“

Digitized by Google

Чего же, свѣшикъ мой? или шы нездорова? —
„О! нѣшъ, грѣшно сказашь.“ — Иль домъ вашъ небогашъ? —
„Повѣрьше, не хочу ни мраморныхъ палашъ.“ —
Иль мужъ обычая лихова? —
„Напрошивъ, врядъ найши другова,
Который бы жену сшоль горячо любилъ.“ —
Иль онъ не нравишся? — „Нѣшъ, онъ довольно милъ.“
Такъ развѣ ошъ своихъ знакомыхъ неспокойна? —
„Я болѣе ошъ нихъ любима, чѣмъ досшойна.“ —
Чего же, глупенька, шебѣ недосшаешъ? —
„Признашься, машушка, мнѣ шакъ наскучилъ свѣшъ,
И шакъ я всѐ въ немъ ненавижу,
Что шо одно и сплю и вижу,
Чшобъ какъ нибудь попасшь ошсель
Хошя за *тридевять* земель;
Да только чшобы все въ глазахъ моихъ блисшало,
Все новосшію поражало
И рѣдкосшью мой умъ и взоръ;
Гдѣ бъ разныхъ дивносшей соборъ
Предсшавилъ быль, какъ небылицу....
Короче: дай свою увидѣшь мнѣ сшолицу!“
Сшаруха хишрая, кивая головой,
Что дѣлашь, мыслила, мнѣ съ просьбою шакой?
Желанье дерзко.... безразсудно,

Digitized by Google

То правда; но его исполнишь мнѣ не трудно;
За чѣмъ же дурочку отказомъ огорчишь!...
Къ тому жъ, я тѣмъ могу ее и поучить —
Изрядно! наконецъ сказала:
Исполнится, какъ ты желала. —
И вдругъ, о чудеса!
И крестница и мать взвились подъ небеса
На лучезарной колесницѣ,
Подобной въ быстротѣ синицѣ,
И меньше, нежель въ три мига,
Спустились въ новый міръ, отъ нашего отмѣнный,
Въ которомъ тронъ веснѣ воздвигнутъ неизмѣнный!
Въ немъ рѣки какъ хрусталь, какъ бархатъ берега,
Деревья яблонны, кусточки ананасны,
А горы всѣ, или янтарны иль топазны.
Каковъ же Феинъ былъ дворецъ — признаться вамъ,
То врядъ изобразитъ и Богдановичь * самъ.
Я только то скажу, что всѣ матеріалы,
(А въ прочемъ выдаю я это вамъ за слухъ)
Изъ коихъ Феинъ кумъ, какой-то славный духъ,
Дворецъ сей сгромоздилъ: лишь изумрудъ, опалы,
Порфиръ, лазурь, пиропъ, кристалъ,
Жемчугъ и лалъ.

* Авторъ поэмы: Душенька.

Digitized by Google

Всѣ, словомъ, рѣдкости богатыя природы,
Какими свадебны набишы Русски оды;
А садъ — повѣрише ль? — не только описашь
Иль въ сказкѣ разсказашь,
Но даже и во снѣ его намъ не видашь.
Пожалуй, выдумашь не шрудно:
Но все то будешъ мало, скудно,
Иль много много что во шьмѣ кудрявыхъ словъ
Удастся Сарское село себѣ представишь,
Армидинъ садъ, иль Пешергофъ;
Такъ лучше этотъ шрудъ оставишь
И далѣ продолжашь. *Вѣтрана* николи
Диковинокъ шакихъ не видя на земли,
Со изумленьемъ всѣ предметы озираешъ,
И мыслишъ, что мечша во снѣ надъ ней играешъ;
Войдя же въ храмины чудесницы своей,
И пуще щуришся: то блескъ ошъ хрусшалей
Сребрисшыя луны сражаяся съ лучами,
Которые бъ почлись за солнечные нами,
Какъ яркой молніей слѣпишъ *Вѣтранинъ* взоръ;
То перламушръ хрусшишъ подъ ней, или фарфоръ...
Ахши! опять понесъ великолѣпный вздоръ!
Но бышь ужь шакъ, когда пусшился.
И шакъ, перешупя одинъ, другой порогъ,

Digitized by Google

Лишь къ третьему пришли, богатый вдругъ чертогъ
Не вѣтеркомъ, но самъ собою растворился!
Ну, дочка, поживай и веселися здѣсь!
Всевѣда говоришъ: не только дворъ мой весь,
Но даже и духовъ подземныхъ и воздушныхъ,
Велѣніямъ твоимъ послушныхъ,
Даю во власть твою; сама же я, мой свѣтъ,
Отправлюся на мало время —
Вѣдь у меня забота беремя —
Къ сестрѣ, съ которою не видѣлась сто лѣтъ;
Она не далеко живетъ отсюда — въ Колѣ;
Да по дорогѣ ужь отколѣ
Зайду и къ брату я,
Камчатскому Шаману.
Прощай, душа моя!
Надѣюсь, что тебя довольнѣе застану. —
Тутъ коврикъ *самолетъ* она подостлала,
Ступила, свистнула, и вмигъ изъ глазъ ушла,
Какъ будто бы и не была.
А удивленная *Вѣтрана*,
Какъ новая Діана,
Осталась между Нимфъ, исполненныхъ заразъ;
Онѣ тотчасъ ее подъ ручки подхватили,
Помчали, и за столъ роскошный посадили,

Digitized by Google

Какого и *видомъ не видано* у насъ.
Вѣтрана кушаетъ, а дѣвушки прекрасны,
Изъ коихъ каждая почти какъ ты.... мила,
Поджавши руки вкругъ стола,
Поютъ ей аріи веселыя и страстны,
Стараясь слухъ ея и сердце услаждать.
Потомъ, она едва задумала вставать,
Вдругъ — дѣвушекъ, стола не стало,
И залы будто не бывало:
Ужъ спальней сдѣлалась она!
Вѣтрана чувствуетъ пріятну томность сна,
Спускается на пухъ, изъ розъ въ сплетенномъ нишѣ;
И въ тотъ же мигъ смычокъ невидимый запѣлъ,
Какъ будто бы самъ Диць за пологомъ сидѣлъ;
Смычокъ часъ отъ часу пѣлъ тише, тише, тише,
И вмѣстѣ, наконецъ, съ *Вѣтраною* уснулъ.
Прошла спокойна ночь; Натура пробудилась;
Зефиръ вспорхнулъ,
И жертва отъ цвѣтовъ душистыхъ воскурилась;
Взыгралъ и солнца лучь, и голосъ соловья,
Сліянный съ сладостнымъ журчаніемъ ручья
И съ шумомъ рѣзваго фонтана,
Воспѣлъ: „Проснись, проснись, щастливая *Вѣтрана*!“
Она проснулася — и спальная ужъ садъ,

Digitized by Google

Жилище райское веселій и прохладъ!
Повсюду чудеса *Вѣтрана* обрѣшала:
Гдѣ только ступишъ лишь, шушъ роза разцвѣшала;
Здѣсь рядомъ передъ ней лимонны дерева,
Тамъ мирпювый кусшокъ, шамъ нѣжна мурава
Отъ солнечныхъ лучей какъ бархашъ опливаешъ;
Тамъ рѣчка по песку злашому прошекаешъ;
Тамъ свѣтлаго пруда на днѣ
Мелькаютъ рыбки золотыя;
Тамъ пшички гимнъ поютъ природѣ и веснѣ,
И попугаи голубые
Со Эхомъ въ запуски швердятъ:
„Вѣпрана! насыщай свой взглядъ!“
А къ полднямъ новая карпина:
Садъ превращился въ храмъ,
Украшенный по сторонамъ
Столпами изъ рубина,
И съ сводомъ въ видѣ облаковъ
Изъ разныхъ въ хрусталѣ цвѣповъ.
И вдругъ отъ свода опустился
На розовыхъ цѣпяхъ столъ круглый изъ сребра
Съ такою жь пищей, какъ вчера,
И въ воздухѣ остановился;
А подъ *Вѣтраной* очутился

Digitized by Google

Съ подушкой бархатною тронъ,
Чтобы съ него ей кушать,
И пѣніе, какимъ гордился бъ Амфіонъ,
Тѣхъ Нимфъ, которыя вчера служили, слушать.
„По чести, это рай! Ну, если бы теперь!
Вѣтрана думаетъ, подкрался въ эту дверь....“
И слова не скончавъ, въ трюмо она взглянула —
Сошла со трона и вздохнула!
Что дѣлала потомъ она во весь тотъ день,
Признаться, сказывать и лѣнь,
И не умѣется, и было бы не кстатѣ;
А только объявлю, что въ этой же палатѣ,
Иль въ храмѣ, какъ угодно вамъ,
Былъ и вечерній столъ, приличный лишь богамъ,
И что на утро былъ день новыхъ превращеній
И новыхъ восхищеній;
А на другой день тоже. — „Но что это за міръ?
Вѣтрана говоритъ, гармоніи внимая
Висящихъ по стѣнамъ золотострунныхъ лиръ.
Все эдакъ, то тоска возьметъ и среди рая!
Все чудо изъ чудесъ, куда ни поглядишь;
Но что мнѣ въ томъ, когда товарища не вижу?
Увы! я пуще жизнь мою возненавижу!
Веселье веселитъ, когда его дѣлишь.“ —

Digitized by Google

Лишь это вымолвить успѣла,
Вдругъ набѣжала тьма, всталъ вихорь, грянулъ громъ,
Ужасна буря заревѣла;
Все рушится, падетъ вверхъ дномъ,
Какъ не бывалъ волшебный домъ;
И бѣдная *Вѣтрана*,
Блѣдна, безгласна, бездыханна,
Спремглавъ летитъ, летитъ, летитъ —
И гдѣ жъ, вы мыслите, упала?
Средь страшныхъ Муромскихъ лѣсовъ,
Жилища вѣдьмъ, волковъ,
Разбойниковъ и злыхъ духовъ!
Вѣтрана возрыдала,
Когда, опомнившись, узнала,
Куда попалася она;
Всѣ жилки съ страха въ ней дрожали!
Ночь адская была! ни звѣзды, ни луна,
Сквозь чернаго ея покрова не мелькали;
Все спитъ!
Лишь воетъ вѣтръ, лишь листъ шумитъ,
Да изъ дупла въ дупло сова перелетаетъ,
И изрѣдка въ глуши кукушка занываетъ.
Сиротка думаетъ, идти ли ей, иль нѣтъ;
И ждетъ, когда луны забрежжетъ блѣдный свѣтъ?

Digitized by Google

Но это часъ воровъ! И такъ, она рѣшилась
Не мѣшкая идти; и такъ, перекрестилась,
Вздохнула, и пошла по вязкому песку
Со страхомъ и тоскою;
Блѣднѣетъ и дрожитъ, лишь ступитъ шагъ ногою;
Тамъ предвѣщаетъ ей послѣдній часъ: *куку*!
Тамъ лѣшій выставилъ изъ за деревьевъ роги;
То слышится *ау*; то вспыхнулъ огонёкъ;
То вѣдьма кошкою бросается съ дороги,
Иль кто-то скрылся за пенёкъ;
То по лѣсу раздался хохотъ,
То вой волковъ, то конской топотъ.
Но сердце въ насъ вѣщунъ: я самъ то испытадъ,
Когда мои стихи въ журналы отдавалъ;
Не даромъ и *Вѣтрана* плачетъ!
Ужь въ самомъ дѣлѣ кто-то скачетъ
Съ рогатиной въ рукѣ, съ пищалью за плечьми.
Стой! стой! онъ гаркаетъ, сверкаючи очьми:
Стой! кто бы ты ни шелъ, по волѣ, иль неволѣ;
Иль свѣта не увидишь болѣ!...
Кто ты? нагнавъ ее, онъ грозно продолжалъ.
Но видя, что у ней страхъ губы оковалъ,
Беретъ ее въ охапку,
И поперегъ кладетъ сѣдла,

Digitized by Google

А самъ, надвинувъ шапку,
Припавъ къ лукѣ, летитъ какъ изъ лука стрѣла,
Летитъ, исполненный отваги,
И *Клязьмы* доскакавъ высокихъ береговъ,
Бухъ прямо съ нихъ въ рѣку, не говоря двухъ словъ;
Вѣтрана жъ: ахъ!... и пробудилась —
Представъше къ къ она, взглянувши. удивилась!
Вся горница полна людей:
Мужъ въ головахъ стоялъ у ней;
Сестры и тетушки вокругъ ея постели
Въ безмолвіи сидѣли;
Въ углу приходской попъ молился и читалъ,
Въ другомъ углу колдунъ *досужій* бормоталъ; *
У шкафа жъ за столомъ, восчанкою накрытымъ,
Прописывалъ рецептъ хирургусъ изъ Нѣмчинъ,
Который по Москвѣ щитался знаменитымъ,
За тѣмъ, что былъ одинъ.
И все собраніе, *Вѣтраны* съ первымъ взоромъ:
Очнулась! возгласило хоромъ;
Очнулась! повторяетъ хоръ;
Очнулась! — и весь дворъ
Запрыгалъ, заплясалъ, воскликнулъ: слава Богу!

* Въ старину ихъ называли досужими. См. Ядро Росс. Истор. Кн. Хилкова.

Digitized by Google

Боярыня жива! нѣтъ горя намъ теперь!
А въ эту самую тревогу
Вошла *Всевѣда* въ дверь,
И бросилась къ *Вѣтранѣ*.
„Ахъ, бабушка! за чѣмъ явилась ты не ранѣ?
Вѣтрана говоритъ: гдѣ это я была?
И что я видѣла?... страхъ... ужасъ!“ — Ты спала,
А видѣла лишь бредъ, *Всевѣда* отвѣчаетъ:
Прости, развеселясь старуха продолжаетъ,
Прости мнѣ, милая! я видѣла что ты,
По молодости лѣтъ ударилась въ мечты;
И для того, когда ты съ просьбой приступила,
Трехсуточнымъ тебя я сномъ обворожила,
И въ сновидѣніяхъ представила тебѣ,
Что мы, всегда чужой завидуя судьбѣ
И новыхъ благъ желая,
Изъ доброй воли въ адъ влечемъ себя изъ рая.
Гдѣ лучше, какъ въ своей родимой жить семьѣ?
И такъ, впередъ страшись ты покидать ее!
Будь добрая жена и мать чадолюбива,
И будешь всѣми ты почтенна и щастлива. —
Съ симъ словомъ бросилась *Вѣтрана* обнимать
Супруга, всѣхъ родныхъ и добрую *Всевѣду*;
Потомъ всѣ сродники приглашены къ обѣду;

Digitized by Google

Наѣхали, нашли, и сѣли пировать.
Ужь липецъ зашипѣлъ, все стало веселѣе;
Всякъ пьетъ и говоритъ, любуясь на бокалъ:
„Что машушки Москвы и краше и милѣе?“ —
На силу досказалъ.

Digitized by Google

БАСНИ.

Digitized by Google

Digitized by Google

БАСНИ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

I.

ДУБЪ и ТРОСТЬ.

Дубъ съ Тростію вступилъ однажды въ разговоры:
Жалѣю, Дубъ сказалъ, склоня къ ней важны взоры,
Жалѣю, Тросточка, объ участи твоей!
Я чаю, для тебя тяжелъ и воробей;
Легчайшій вѣтерокъ, едва струящій воду,
Ужасенъ для тебя, какъ буря въ непогоду,
И гнетъ тебя къ земли;
Тогда какъ я — высокъ, осанистъ, и вдали
Не только Фебовы лучи пересѣкаю,
Но даже бурный вихрь и громы презираю;
Спою, и слышу вкругъ спокойно трескъ и стонъ;
Все для меня Зефиръ, тебѣ жь все Аквилонъ.
Блаженна бъ ты была, когда бъ росла со мною:
Подъ тѣнію моей густою
Ты бъ не страшилась бурь; но рокъ тебѣ судилъ
Расти, на мѣсто злачна дола,

Digitized by Google

На топкихъ берегахъ владычества Эола.
По чести, и въ меня твой жребій грусть вселилъ.
„Ты очень жалостливъ, Трость Дубу отвѣчала:
Но право, о себѣ еще я не вздыхала,
Да не о чемъ и воздыхать:
Мнѣ вѣтры менѣе, чѣмъ для тебя опасны.
Хотя порывы ихъ ужасны
И не могли тебя досель поколебать,
Но подождемъ конца.“ — Съ симъ словомъ вдругъ завыла
Отъ сѣвера гроза, и небо помрачила;
Ударилъ грозный вѣтръ — все рушитъ и валитъ,
Летитъ, кружится листъ; Трость гнется — Дубъ стоитъ.
Вѣтръ пуще воружась, изъ всей ударилъ мочи,
И тотъ, на коего съ трудомъ взирали очи,
Кто ада и небесъ едва не досягалъ —
Упалъ!

Digitized by Google

II.

ПѢТУХЪ, КОТЪ и МЫШЕНОКЪ.

О дѣти, дѣти! какъ опасны ваши лѣта! —
Мышенокъ, не видавшій свѣта,
Попалъ-было въ бѣду, и вотъ какъ онъ объ ней
Разсказывалъ въ семьѣ своей.
„Оставя нашу нору,
И перебравшися чрезъ гору,
Границу нашихъ странъ, пустился я бѣжать,
Какъ молодой Мышенокъ,
Который хочетъ показать,
Что онъ ужъ не ребенокъ.
Вдругъ съ розмаху на двухъ живописныхъ набѣжалъ:
Какіе звѣри, самъ не зналъ;
Одинъ такъ смиренъ, добръ, такъ плавно выступалъ,
Такъ миловиденъ былъ собою!
Другой: нахалъ, крикунъ; теперь лишь будто съ бою;
Весь въ перьяхъ; у него косматый крюкомъ хвостъ;
Надъ самымъ лбомъ дрожитъ наростъ
Какой-то огненнаго цвѣта,
И будто двѣ руки служащи для полета;
Онъ ими такъ махалъ,
И такъ ужасно горлоралъ,

Digitized by Google

Что я, таки не трусъ, а подавай богъ ноги —
Скорѣе отъ него съ дороги.
Какъ больно! безъ него я вѣрно бы въ другомъ
Нашелъ наставника и друга!
Въ глазахъ его была написана услуга;
Какъ тихо шевелилъ пушистымъ онъ хвостомъ!
Съ какимъ усердіемъ бросалъ ко мнѣ онъ взоры,
Смиренны, кротки; но полные огня!
Шерсть гладкая на немъ, почти какъ у меня;
Головка пестрая, и вдоль спины узоры;
А уши, какъ у насъ, и я по нимъ сужу,
Что у него должна быть симпатія съ нами,
Высокородными Мышами.“
А я тебѣ на то скажу,
Мышонка мать остановила:
Что этотъ доброхотъ,
Котораго тебя наружность такъ прельстила,
Смиренникъ этотъ... Котъ!
Подъ видомъ кротости, онъ врагъ нашъ, злой губитель;
Другой же былъ Пѣтухъ, миролюбивый житель.
Не только отъ него не видимъ мы вреда,
Иль огорченья,
Но самъ онъ пищей намъ бываетъ иногда.
Впередъ по виду ты не дѣлай заключенья.

Digitized by Google

III.

МЫШЬ, УДАЛИВШАЯСЯ ОТЪ СВѢТА.

Восточны жители, въ преданіяхъ своихъ,
Разсказываютъ намъ, что нѣкогда у нихъ
Благочестива Мышь, наскуча суетою,
Слѣпаго щастія игрою,
Оставила сей шумный міръ,
И скрылась отъ него въ глубокую пещеру:
Въ Голландской сыръ.
Тамъ святостью одной свою питая вѣру,
Къ спасенію души трудиться начала:
Ногами
И зубами
Голландской сыръ скребла, скребла,
И выскребла досужнымъ часомъ
Изрядну келейку съ достаточнымъ запасомъ.
Чего же болѣе? Въ такихъ-то Мышь трудахъ
Разъѣлась такъ, что страхъ!
Короче на порогѣ рая!
Самъ Богъ блюдетъ того,
Работать міру кто отрекся для него.
Однажды предъ нее явилось, воздыхая,

Digitized by Google

Посольство отъ ея любезныхъ земляковъ;
Оно идетъ просить защиты отъ дворовъ
Противу Кошечья народа,
Который вдругъ на ихъ республику напалъ
И Крысополисъ ихъ въ осадѣ ужь держалъ.
„Всеобща бѣдность и невзгода —
Посольство говоритъ — причиною, что мы
Несемъ пустыя лишь сумы;
Что было съ нами, все проѣли,
А путь еще далекъ! и для того посмѣли
Зайти къ тебѣ, и бить челомъ
Снабдить насъ въ крайности посильнымъ подаяньемъ.“—
Затворница на то, съ душевнымъ сострадальемъ,
И лапки положа на грудь свою крестомъ:
„Возлюбленны мои! смиренно отвѣчала,
Я отъ житейскаго давно уже отстала;
Чѣмъ, грѣшная, могу помочь?
Да низпошлетъ вамъ Богъ! а я и день и ночь
Молить его за васъ готова.“ —
Поклонъ имъ, заперлась, и болѣе ни слова.

*

Кто, спрашиваю васъ, похожъ на эту Мышь?
Монахъ? — Избави Богъ и думать!... Нѣтъ, Дервишъ.

Digitized by Google

IV.

ЧИЖИКЪ и ЗЯБЛИЦА.

Чижъ свилъ себѣ гнѣздо, и сидя въ немъ, поетъ:

„Ахъ! скороль солнышко взойдетъ,
И съ домикомъ меня застанетъ?
Ахъ! скоро ли оно проглянетъ?
Но вотъ ужь и взошло! какъ тихо и красно!
Какая въ воздухѣ, въ дыханьѣ, въ жизни сладость:
Ахъ! я такого дня не видывалъ давно.“
Но безъ товарища и радость намъ не въ радость:
Желаешь для себя, а ищешь раздѣлить!
Любезна Зяблица! кричитъ мой Чижъ сосѣдкѣ,
Смиренно прикорнувшей къ вѣткѣ:
Что ты задумалась? давай-ка день хвалить!
Смотри, какъ солнышко...“ Но солнце вдругъ сокрылось,
И небо тучами отвсюду обложилось;
Всѣ птицы спрятались, кто въ гнѣзды, кто въ рѣку,
Лишь галки стаями гуляютъ по песку,
И крикомъ бурю вызываютъ;
Да ласточки еще надъ озеромъ летаютъ;
Быкъ, шею вытянувъ, подъ плугомъ заревѣлъ;
А конь, поднявши хвостъ и разметавши гриву,

Digitized by Google

Ржетъ, пышитъ и летитъ чрезъ ниву.
И вдругъ ужасный вихрь со свистомъ возшумѣлъ,
Со трескомъ грянулъ громъ, ударилъ дождь со градомъ,
И пали пастухи со стадомъ.
Потомъ прошла гроза и солнце разцвѣло,
Все стало ярче и свѣтлѣе,
Цвѣты душистѣе, деревья зеленѣе —
Лишь домикъ у Чижа куда-то занесло.
О бѣдненькой мой Чижъ! Онъ, мокрыми крылами
Насилу шевеля, къ сосѣдушкѣ летитъ,
И ей со вздохомъ и слезами,
Носокъ повѣся, говоритъ:
„Ахъ! всякъ своей бѣдой ума себѣ прикупитъ:
Впредь утро похвалю, какъ вечеръ ужъ наступитъ.“

Digitized by Google

V.

ЛИСА ПРОПОВѢДНИЦА.

Разбитая параличомъ
И одержимая на старости подагрой
И хирагрой,
Всѣмъ тѣломъ дряхлая, но бодрая умомъ,
И въ логикѣ своей изъ первыхъ мастерица,
Лисица
Уединилася отъ свѣта и отъ зла,
И проповѣдывать въ пустыню перешла.
Тамъ кроткія свои бесѣды расточряла
Хвалой воздержности, смиренью, правотѣ;
То плакала, то воздыхала
О братіи, въ мірской утопшей суетѣ;
А братій и всего на проповѣдь сбиралось
Пять, шесть на перечётъ;
А иногда случалось
И менѣе того, и то Сурокъ, да Кротъ,
Да двѣ, три набожныя Лани,
Звѣришки бѣдные, безъ связей, безъ подпоръ;
Какой же ожидать отъ нихъ Лисицѣ дани?
Но Лисій дальновиденъ взоръ:

Digitized by Google

Она перемѣнила струны:
Взяла суровый видъ, и бросила перуны
На кровожаждущихъ Медвѣдей и Волковъ,
На Тигровъ, даже и на Львовъ!
Что жь? слушателей тьма стеклася,
И слава о ея витійствѣ донеслася
До самаго Царя звѣрей,
Который, не смотря, что онъ породы львиной,
Безъ шума управлялъ подвластною скотиной,
И въ благочестіе вдался подъ старость дней.
„Послушаемъ Лису! Левъ молвилъ: что за диво?“
За словомъ въ слѣдъ указъ;
И въ сутки, ежели не лживо
Историкъ увѣряетъ насъ,
Лиса привезена, и проповѣдь сказала.
Какую жь проповѣдь? Изъ кожи лѣзла вонъ!
Въ тирановъ громъ она бросала,
А въ страждущихъ отъ нихъ духъ бодрости вливала
И упованіе на время и законъ.
Придворные оцѣпенѣли:
Какъ можно при дворѣ такъ дерзко говорить!
Другъ на друга глядятъ, но говорить не смѣли,
Смекнувъ, что Царь Лису изволилъ похвалить.
Какъ повость, иногда, и правда намъ по нраву!

Digitized by Google

Короче вамъ: Лиса вошла и въ честь и славу;
Царь Левъ, давъ лапу ей, привѣтливо сказалъ:
„Тобой я истину позналъ,
И болѣ прежняго гнушаться сталъ пороковъ;
Чего жь ты требуешь во мзду твоихъ уроковъ?
Скажи, безъ всякаго зазрѣнья и стыда;
Я твой должникъ.“ — Лиса, глядь, глядь, туда сюда,
Какъ будто совѣсти почувствуя улику:
„Всещедрый Царь-отецъ!
Отвѣтствовала Льву съ запинкой наконецъ:
Индѣекъ.... *малую толику.*

Digitized by Google

VI.

ЛАСТОЧКА и ПТИЧКИ.

Летунья Ласточка и шамъ и сямъ бывала,
Про многое слыхала,
И многое видала,
А потому она
И болѣ многихъ знала.
Пришла весна
И стали сѣять ленъ. — „Не по сердцу мнѣ это!
Пичужечкамъ она шверднтъ:
Сама я не боюсь, но васъ жаль; придетъ лѣто,
И это сѣмя вамъ напастни породитъ;
Произведетъ силки и сѣтки,
И будетъ вамъ виной
Иль смерти, иль неволи злой;
Страшитесь вершѣла и клѣтки!
Но умъ поправитъ все, и вотъ его совѣтъ:
Слетитесь на загонъ и выклюйте все сѣмя.“
Пустое! разсмѣясь вскричало мѣлко племя:
Какъ будто намъ въ поляхъ другаго корма нѣтъ! —
Чрезъ сколько дней потомъ, не знаю,
Ленъ вышелъ, началъ зеленѣть,

Digitized by Google

А птичка ту же пѣсню пѣшь.
„Эй худу бышь! еще вамъ, пшички, предвѣщаю:
Не дайше льну созрѣшь;
Вонъ съ корнемъ! или вамъ придетъ дождаться лиха!“
Молчи, зловѣщая вралиха!
Вскричали пшички ей:
Ты думаешь легко выщипывать все поле!
Еще прошло десяшокъ дней,
А можешъ и гораздо болѣ,
Ленъ выросъ и созрѣлъ.
„Ну, пшички, вошъ ужь ленъ поспѣлъ;
Какъ хочете меня зовите —
Сказала Ласточка: а я въ послѣдній разъ
Еще пришла наставишь васъ:
Теперь того и ждите,
Что пахари начнутъ хлѣбъ съ поля убирать
А послѣ съ вами воевать:
Силками васъ ловишь, изъ ружей убивать,
И сѣтью накрывать;
Избавишься шакого бѣдства
Другаго нѣшъ вамъ средства,
Какъ далѣ, далѣ прочь. Но вы не Журавли,
Для васъ вѣдь море край земли;
Такъ лучше ближе пріютишься,

TAYLOR INST. OXFORD
Digitized by Google

Забишься въ гнѣздышко, да въ немъ не шевелишься.“

Пошла, пошла! другихъ стращай

Своимъ ты вздоромъ!

Вскричали пташечки ей хоромъ:

А намъ гулять ты не мѣшай. —

И такъ онѣ въ поляхъ летали, да летали,

Да въ клѣтку и попали.

*

Всякъ только своему разсудку въ слѣдъ идетъ:

А вѣруетъ бѣдѣ не прежде, какъ придетъ.

Digitized by Google

VII.

ЧАСОВАЯ СТРѢЛКА.

„Кто равенъ мнѣ? Солдатъ, любовникъ, сочинитель,
И стороżъ, и министръ, и олтарей служитель,
И докторъ, и больной, и самый государь —
Всѣ чувствуютъ, что я важнѣй, чѣмъ календарь!
Я каждому изъ нихъ минуты означаю;
Дѣля и день и ночь, я время измѣряю!“ —
Такъ, видя на нее зѣвающій народъ,
Хвалилась Стрѣлка часовая,
Межъ шѣмъ, какъ бѣдная пружина, продолжая
Невидимый свой путь, давала Стрѣлкѣ ходъ!

*

Пружина Секретарь; а Стрѣлка, между нами....
Но вы умны: смекайте сами.

Digitized by Google

VIII.

ЧЕЛОВѢКЪ и КОНЬ.

Читатели! хотите ль знать,
Какъ лошадь намъ покорна стала?
Когда семья людей за лакомство щипала
Коренья, жолуди жевать;
Когда еще не такъ какъ нынѣ,
Не знали ни каретъ, ни шоръ, ни хомутовъ;
На стойлахъ не было коней, ни лошаковъ,
И вольно было жить, гдѣ хочетъ, всей скотинѣ:
Въ тѣ времена Олень, поссорившись съ Конемъ,
Пырнулъ его рогами.
Конь былъ и самъ съ огнемъ,
И могъ бы отплатить, да на бѣду ногами
Не такъ проворенъ, какъ Олень;
Гоняяся за нимъ напрасно, спалъ онъ въ пень.
Что дѣлать? Мщеніе отъ вѣка
Пружина важная сердецъ;
И Конь прибѣгнулъ на конецъ
Къ искусству человѣка.
А тотъ и радъ служить: скотину онъ взнуздалъ,
Вспрыгнулъ къ ней на спину, и столько рыси далъ,

Digitized by Google

Что прытькой нашъ Олень въ минуту спалъ ихъ жертвой:
Настигнутъ, пораженъ и палъ предъ ними мертвой.
Тогда помощника она благодаритъ;
Ты мой спаситель! говоритъ:
Мнѣ не забыть того, пока жива я буду;
А между тѣмъ.... уже не въ мочь моей спинѣ,
Не льзя ль сойти съ меня? Пора мнѣ въ степь отсюду!"
Зачѣмъ же не ко мнѣ?
Сказалъ ей Человѣкъ: въ степи какой ждать холи?
А у меня живи въ опрятствѣ и красѣ,
И по брюхо всегда въ овсѣ. —
Увы! что сладкій вкусъ, когда нѣтъ милой воли!
Увидѣлъ бѣдный Конь и самъ, что сглуповалъ,
Да поздно: подъ ярмомъ состарѣлся и палъ.

Digitized by Google

IX.

ЛЕБЕДЬ и ГАГАРЫ.

За то, что Лебедь такъ и бѣлъ и величавъ,
Гагары на него изъ зависти напали,
И крылья тиной замаравъ,
Вкругъ Лебедя тѣснясь, нарочно опряхали,
И брызгами его марали!
Но Лебедю вреда не сдѣлали онѣ!
Онъ въ воду погрузился,
И въ прежней бѣлизнѣ
Съ величествомъ явился.

*

Гагары въ прозѣ и въ стихахъ!
Возитесь, какъ хотите,
Но право истинный талантъ не помрачите;
Удѣлъ его: сіять въ вѣкахъ.

Digitized by Google

X.

РУЖЬЕ и ЗАЯЦЪ.

Трусливыхъ наберешь не мало
Отъ скорохода до щенка;
Но Зайца никого трусливѣй не бывало.
Увидя онъ Ружье, которое лежало
Въ ногахъ у спящаго стрѣлка,
Такъ испугался,
Что даже и бѣжать съ душею не собрался
А только сжался,
И, уши на спину, моргая носомъ ждетъ,
Что вмигъ Ружье убьетъ.
Проходитъ полчаса — перунъ еще не грянулъ:
Прошелъ и часъ — перунъ молчитъ,
А Заяцъ веселѣй глядитъ;
Потомъ, поободрясь, воспрянулъ,
Бросаетъ любопытный взглядъ —
Прыжокъ впередъ, прыжокъ назадъ —
И наконецъ къ Ружью подходитъ.
Такъ это, говоритъ, на Зайца страхъ наводитъ?
Посмотримъ ближе.... да оно
Какъ мертвое лежитъ, не говоритъ ни слова!

Digitized by Google

Ага! хозяинъ спитъ — такъ и Ружье равно
Безсильно, какъ лоза, безъ помощи другова.
Сказавши это, Заяцъ мой
Въ минуту сталъ и самъ герой:
Храбрится, и Ружье ужь лапою толкаетъ.
Прочь, бѣдна тварь! Ружье молчанье прерываетъ:
Или не знаешь ты, что я лишь захочу,
Сей часъ тебя въ ничто за дерзость превращу?
Отъ грома моего и Левъ побѣдоносный,
И кровожадный Тигръ со трепетомъ бѣгутъ;
Бѣги и ты, звѣрокъ несносный!
Иль молніи мои тебя сожгутъ.
„Не такъ-то строго!
Отъ Зайца былъ Ружью отвѣтъ:
Вѣдь нынѣ умудрился свѣтъ,
И между Зайцами премудрыхъ ужь не много.
Ты страшно лишь въ рукахъ Стрѣлка, а безъ него
Ты ничего.“

*

Ни что и ты законъ! — подумаетъ читатель —
Когда не бодрствуетъ, но дремлетъ Предсѣдатель.

Digitized by Google

XI.

ОРЕЛЪ, КИТЪ, УЖЪ и УСТРИЦА.

Орелъ парилъ подъ облаками,
Китъ волны разсѣкалъ а Ужъ ползъ по земли;
И всѣ, что рѣдкостш между нами,
О томъ и думать не могли,
Чтобъ позавидовать чужой на свѣтѣ долѣ.
Однако говорить и мыслить въ нашей волѣ.
И Устрица моя ни мало не винна,
Что глядя на того, другова,
Возстала на судьбу она.
Возможно ль! думаешъ, не уже ль никакова
Таланта не дано лишь только мнѣ одной?
Дай полечу и я!.... Нѣтъ, это даръ не мой;
Дай поплыву! — Все идетъ хило;
Хоть пополземъ. — Ни тутъ-то было!
А что и этого досаднѣе сто разъ:
Подкрался водолазъ,
Который видно что подслушалъ,
Схватилъ ее, да въ ротъ, и на здоровье скушалъ.

*

Вотъ такъ-то весь нашъ вѣкъ
Въ пустыхъ желаньяхъ погибаетъ,

Digitized by Google

И рѣдкой человѣкъ
Доволенъ участью бываетъ.
„Изрядно, но.... авось и лучшее найду.“
А смотришь: и нашелъ бѣду!

Digitized by Google

XII.

КАРЕТНЫЯ ЛОШАДИ.

Двѣ Лошади везли карету;
Оселъ увидя ихъ, сказалъ:
„Съ какою завистью смотрю на пару эту!
Нѣтъ дня, чтобъ гдѣ нибудь ее я не встрѣчалъ;
Все вмѣстѣ: видно очень дружны!“ —
Дуракъ, дуракъ! при всей длинѣ своихъ ушей!
Сказала въ слѣдъ ему одна изъ Лошадей:
Ты только лишь глядишь на признаки наружны;
Диковинка ль, всегда въ упряжкѣ быть одной,
А розно жить душой?
Увы! не намъ чета живутъ на насъ похоже.

Вчера мнѣ Хлоинъ мужъ шепнулъ въ собраньи тоже.

Digitized by Google

XIII.

ДВА ГОЛУБЯ.

Два Голубя друзьями были,
Издавна вмѣстѣ жили
И кушали и пили.
Соскучился одинъ все видѣть тожь, да тожь;
Задумалъ погуляшь, и другу въ томъ ошкрылся.
Тому вѣсшь эта остpый ножъ;
Онъ вздрогнулъ, прослезился,
И къ другу возопилъ:
„Помилуй, брашецъ, чѣмъ меня шы поразилъ?
Легко ль въ разлукѣ быпь?... шебѣ легко, жесшокой!
Я знаю; ахъ! а мнѣ... я съ горесши глубокой,
И дня не проживу... къ шому же разсуди,
Такая ли пора, чшобъ въ сшранспвіе пускашься?
Хошь до Зефировъ шы, голубчикъ, погоди!
Къ чему спѣшишь? еще успѣемъ мы разсшашься!
Теперь лишь Воронъ прокричалъ,
И безъ сомнѣнія — сшрашуся я безмѣрно! —
Какой нибудь изъ пшицъ напасшь онъ предвѣщалъ,
А сердце въ горесши и пуще имовѣрно!
Когда разсшанусь я съ шобой,

Digitized by Google

То будешъ каждый день мнѣ угрожать бѣдой:
То Ястребомъ лихимъ, що люшыми стрѣлками,
То Коршунами, що силками —
Все злое сердце мнѣ на память приведешъ.
Ахти мнѣ! я скажу вздохнувши, дождь идешъ!
Здоровъ ли-що мой другъ? не терпишъ ли онъ холодъ?
Не чувствуешъ ли голодъ?
И мало ли чего не вздумаю тогда!“ —
Безумцамъ умна рѣчь, какъ въ ручейкѣ вода:
Журчишъ, и мимо прошекаешъ.
Зашѣйникъ слушаешъ, вздыхаешъ,
А все-таки лешѣть желаешъ.
„Нѣшъ, брашецъ, шакъ и быть, сказалъ онъ, полечу!
Но вѣрь, что я тебя крушить не захочу;
Не плачь; пройдешъ дни три, и буду я съ тобою
Клеваць
И ворковать
Опять подъ кровлею одною;
Начну разсказывать тебѣ по вечерамъ —
Вѣдь все одно да тожь приговорится намъ —
Что видѣлъ я, гдѣ былъ, гдѣ хорошо, гдѣ худо;
Скажу: я шамъ-що былъ, шакое видѣлъ чудо,
А шамъ случилось що со мной —
А шы, дружечикъ мой,

Digitized by Google

Наслушаясь меня, шакъ свѣдущь будешь къ лѣшу,
Какъ будшо бы и самъ гуллялъ по бѣлу свѣшу.
Прости жь!“ — При сихъ словахъ
На мѣсшо всѣхъ *увы*! и *ахъ*!
Друзья взглянулись, поклевались,
Вздохнули и разсшались.
Одинъ носокъ повѣся сѣлъ;
Другой вспорхнулъ, взвился, лешишъ, лешишъ сшрѣлою,
И вѣрно бъ съ горяча край свѣша залешѣлъ;
Но вдругъ покрылось небо мглою,
И прямо сшраннику въ глаза
Изъ шучи ливный дождь, градъ, вихрь, сказашь вамъ словомъ,
Со всею свишою, какъ водишся, гроза!
При случаѣ шакомъ, опасномъ, хошь не новомъ,
Голубчикъ поскорѣй садишся на сучокъ,
И радъ еще шому, чшо шолько лишь измокъ.
Гроза ушихнула, Голубчикъ обсушился,
И въ пушь опяшь пусшился.
Лешишъ, и видишъ съ высока
Разсыпано пшено, а возлѣ — Голубка;
Садишся, и въ минушу
Запушался въ сѣни; но сѣшь была худа,
Такъ онъ пробивъ нее носкомъ вооружился;
То имъ, то ножкою шянувъ, шянувъ, пробился

Digitized by Google

Изъ сѣти безъ вреда,
Съ утратой перьевъ лишь. Но это ли бѣда?
Къ усугубленью страха,
Явился вдругъ Соколъ, и, со всего размаха,
Напалъ на бѣдняка,
Который, какъ злодѣй, опутанъ кандалами,
Тащилъ съ собой снурокъ съ обрывками силка.
Но къ щастью тутъ Орелъ съ широкими крылами
Для встрѣчи Сокола спустился съ облаковъ;
И такъ, благодаря стеченію воровъ,
Нашъ пушникъ Соколу въ добычу не достался;
Однако все еще съ бѣдой не развязался:
Въ испугѣ потерявъ и умъ и зоркость глазъ,
Задѣлъ за кровлю онъ какъ разъ,
И вывихнулъ крыло; потомъ въ него мальчишка —
Знать голубиный былъ и въ томъ еще умишка —
Для шутки камешекъ лукнулъ,
И такъ его зашибъ, что чуть онъ отдохнулъ;
Потомъ.... потомъ, проклявъ себя, судьбу, дорогу,
Рѣшился брести назадъ, полмертвый, полхромой;
И прибылъ наконецъ калѣкою домой,
Таща свое крыло и волочивши ногу.

Digitized by Google

О вы, которыхъ богъ любви соединилъ!
Хотите ль странствовать? Забудьте гордый Нилъ,
И далѣ ближняго ручья не разлучайтесь.
Чѣмъ любоваться вамъ? другъ другомъ восхищайтесь!
Пускай одинъ въ другомъ находитъ каждый часъ
Прекрасный, новый міръ, всегда разнообразный!
Бываетъ ли въ любви хоть мигъ для сердца праздный?
Любовь, повѣрьте мнѣ, все замѣнитъ для васъ.
Я самъ любилъ: тогда за лугъ уединенный,
Присутствіемъ моей подруги озаренный,
Я не хотѣлъ бы взять ни мраморныхъ палатъ,
Ни царства въ небесахъ!... Придете ль вы назадъ,
Минуты радостей, минуты восхищеній?
Иль буду я однимъ воспоминаньемъ жить?
Уже ль прошла пора столь милыхъ обольщеній,
И полно мнѣ любить?

Digitized by Google

XVI.

ОРЕЛЪ и ЗМѢЯ.

Орелъ изъ области громовъ
Спустился отдохнуть на лугъ среди цвѣтовъ,
И встрѣтилъ тамъ Змѣю, ползущую по праху.
Завистливая тварь
Шипитъ, и на Орла кидается съ размаху.
Что жь дѣлаетъ пернатыхъ Царь?
Бросаетъ гордый взглядъ, и къ солнцу возлетаетъ.

Такъ Геній своему хулителю отмщаетъ.

Digitized by Google

XV.

ЗМѢЯ и ПІЯВИЦА.

„Какъ я нещастна!
И какъ завидна часть твоя!
Однажды говоритъ Піявицѣ Змѣя:
Ты у людей въ чести, а я для нихъ ужасна;
Тебѣ охотно кровь свою даютъ;
Меня же всѣ бѣгутъ, и, если могутъ, бьютъ;
А кажется, равно мы съ ними поступаемъ:
И ты, и я, людей кусаемъ.“ —
Конечно! былъ на то Піявицынъ отвѣтъ:
Да въ цѣли нашей сходства нѣтъ;
Я, напримѣръ, людей къ ихъ пользѣ уязвляю,
А ты для ихъ вреда;
Я множество больныхъ чрезъ это исцѣляю,
А ты и небольнымъ смертельна завсегда.
Спроси самихъ людей: всѣ скажутъ, что я права;
Я имъ лекарство, ты отрава. —

Смыслъ этой басенки вспрѣчается потчасъ:
Не то ли Критика съ Сатирою у насъ?

Digitized by Google

КНИГА ВТОРАЯ.

Digitized by Google

Digitized by Google

КНИГА ВТОРАЯ.

I.

МУДРЕЦЪ и ПОСЕЛЯНИНЪ.

Какъ я люблю моихъ героевъ воспѣвать!
Не знаю, могутъ ли они меня прославить;
Но мнѣ ихъ тяжело оставить.
Съ животными я радъ всечасно лепетать,
И вѣкъ мой коротать;
Люблю ихъ общество! — Согласенъ я, конечно,
Есть и у нихъ свой плутъ, сутяга и пролазъ,
И хуже этого; но я чистосердечно
Скажу вамъ между насъ:
Опаснѣй тварей всѣхъ словесную ищу,
И плутъ за плута — я Лису предпочитаю!
Такихъ же мыслей былъ покойникъ мой землякъ,
Не авторъ, ниже чтецъ, однако не дуракъ,
Честнѣйшій человѣкъ, оракулъ всей округи.
Отецъ ли огорченъ, размолвятся ль супруги,
Торгашъ ли заведетъ съ товарищемъ разсчетъ,
Сиротка ль своего лишается наслѣдства:

Digitized by Google

Всѣмъ нужда до его совѣтовъ иль посредства.
Какъ важно иногда судилъ онъ у воротъ
На лавкѣ, окруженъ согласною семьею,
Дѣтьми и внуками, друзьями и роднею!
„Ты правъ! ты виноватъ!“ бывало скажетъ онъ,
И этотъ приговоръ былъ силенъ, какъ законъ;
И ни одинъ не смѣлъ, ни впрямь, ни стороною,
Скрыть правды предъ его почтенной сѣдиною.
Однажды, помню я, имѣлъ съ нимъ разговоръ
Проѣзжій моралистъ, натуры испытатель.
„Скажи мнѣ, онъ спросилъ, какой тебя писатель
Наставилъ мудрости? какихъ Монарховъ дворъ
Открылъ передъ тобой всѣ таинства правленья?
Зенона ль строгаго держался ты ученья,
Иль Пиѳагоровымъ послѣдовалъ стопамъ?
У Эпикура ли быть щастливымъ учился,
Или божественнымъ Платономъ озарился?“
А я ихъ и не зналъ ниже по именамъ!
Отвѣтствуетъ ему смиренно сельскій житель:
Природа мнѣ букварь, а сердце мой учитель.
Вселенну населилъ животными Творецъ;
Въ наукѣ нравственной я ихъ бралъ въ образецъ:
У кроткихъ голубковъ я перенялъ быть нѣжнымъ;
У муравья къ труду прилѣжнымъ

Digitized by Google

И на зиму запасъ копить;
Воломъ я наученъ терпѣнью;
Овечкою смиренью;
Собакой неусыпнымъ быть;
А если бъ мы дѣтей невольно не любили,
То куры бы меня любить ихъ научили;
По мнѣ же, такъ легко и всякаго любить!
Я зависти не знаю;
Доволенъ тѣмъ, что есть — богатый пусть богатъ,
А бѣднаго всегда, какъ брата, обнимаю,
И съ нимъ дѣлиться радъ;
Стараюсь, наконецъ, разсудка быть подъ властью;
И только — вотъ и вся моя наука щастью!

Digitized by Google

II.

ВОРОБЕЙ и ЗЯБЛИЦА.

Умолкъ Соловушко! конечно бѣдный боленъ,
Или подружкой недоволенъ,
А можетъ и нещастливъ въ ней!
Мнѣ жалокъ онъ! сказалъ печально Воробей. —
„Онъ жалокъ? Зяблица къ словамъ его присшала:
Какъ мало въ сердцѣ ты чишалъ!
Я лучше отгадала:
Любилъ онъ, шакъ и пѣлъ; спалъ щастливъ, замолчалъ.

Digitized by Google

III.

ИСТОРІЯ.

Столица роскоши, искусства и наукъ
Предъ мужествомъ и силой пала;
Но хитрымъ мастерствомъ художническихъ рукъ
Еще она блистала,
И побѣдителя взоръ дикой поражала.
Онъ съ изумленіемъ глядитъ на истуканъ
Съ такою надписью: „Блюстителю гражданъ,
Отцу отечества, ушѣхъ смертныхъ рода,
Отъ благодарнаго народа.“
Царь-варваръ тронутъ былъ
Столь новой дня него и благородной данью;
Влекомъ къ невольному вниманью,
Въ молчаньи долго глазъ онъ съ лика не сводилъ.
Хочу, сказалъ потомъ, узнать его дѣянья —
И въ мигъ толмачь его разгнувъ бытописанья,
Читаетъ въ слухъ: Сей Царь бичь подданныхъ своихъ,
Родился къ гибели и посрамленью ихъ:
Подъ скипетромъ его желѣзнымъ
Законъ безмолвствовалъ, духъ доблести упалъ,
Достойный гражданинъ щитался безполезнымъ,

Digitized by Google

А рабъ коварствомъ путь къ господству пролагалъ.
Въ такомъ-то образѣ Исторіей правдивой
Потомству преданъ былъ *Отечества Отецъ*.
Чему же вѣрить мнѣ? воскликнулъ наконецъ
Смятенный Скиѳъ. — Монархъ боголюбивой!
Согнувшись до земли, вельможа далъ отвѣтъ:
Я, рабъ твой, при Царяхъ полвѣка пресмыкался;
Сей памятникъ въ моихъ очахъ сооружался,
Когда еще тиранъ былъ бодръ и въ цвѣтѣ лѣтъ;
А повѣсть, сколько я могу припомнить нынѣ,
О немъ и прочемъ вышла въ свѣтъ
Гораздо по его кончинѣ.

Digitized by Google

IV.

ПРОХОЖІЙ.

Прохожій, въ монастырь зашедши на пути,
Просилъ у братій позволенья
На колокольню ихъ взойти.
Взошелъ и сталъ хвалить различныя явленья,
Которыя ему открыла высота.
„Какія, онъ вскричалъ, волшебныя мѣста!
Вдругъ вижу горы, лѣсъ, озера и долины!
Великолѣпныя картины!
Не правда ли?“ вопросъ онъ сдѣлалъ одному
Изъ братій, съ нимъ стоящихъ. —
Да! пруженикъ, вздохнувъ отвѣтствовалъ ему:
Для проходящихъ.

Digitized by Google

V.

МУХА.

Быкъ съ плугомъ на покой тащился по прудахъ;
А Муха у него сидѣла на рогахъ,
И Муху же они дорогой повстрѣчали.
Ошкуда ты, сестра? опъ этой былъ вопросъ. —
А та, поднявши носъ,
Въ ошвѣтъ ей говоритъ: Ошкуда? мы пахали!

Опъ басни завсегда
Нечаянно дойдешь до были.
Случалось ли подчасъ вамъ слышать, господа:
„*Мы* сбили! *мы* рѣшили!“

Digitized by Google

VI.

ДВА ДРУГА.

Давно уже, давно два друга гдѣ-то жили,
Одну имѣли мысль, одно они любили,
И каждый часъ
Другъ съ друга не спускали глазъ;
Все вмѣстѣ; только ночь одна ихъ разводила;
Но нѣтъ, и въ ночь душа съ душею говорила.
Однажды одному приснился страшный сонъ;
Онъ вмигъ изъ дому вонъ,
Бѣжитъ вспревоженный ко другу,
И будитъ. — Тотъ вскочилъ:
Какую требуешь услугу?
Смутясь, онъ говорилъ;
Такъ рано никогда мой другъ не пробуждался!
Что значитъ твой приходъ? Иль въ карты проигрался?
Вотъ вся моя казна! Иль кѣмъ ты огорченъ?
Вотъ шпага! я бѣгу — умру, иль ты отмщенъ!
„Нѣтъ, нѣтъ, благодарю; не это, ни другое,
Другъ нѣжный отвѣчалъ: останься ты въ покоѣ;
Проклятый сонъ всему виной!
Мнѣ снилось на зарѣ, что другъ печаленъ мой,

Digitized by Google

И я.... я столько тѣмъ смутился,
Что тотчасъ пробудился
И прибѣжалъ къ тебѣ, чтобъ успокоишь духъ.“ —

Какой безцѣнный даръ, прямой, сердечный другъ!
Онъ всякія къ твоей услугѣ ищетъ средства:
Отгадываетъ грусть, предупреждаетъ бѣдствa;
Его бездѣлка, сонъ, ничто приводитъ въ страхъ,
Другъ въ сердцѣ, другъ въ умѣ — и онъ же на устахъ!

Digitized by Google

VII.

ДОНЪ-КИШОТЪ.

Надсѣвшись Донъ-Кишотъ съ баранами сражаться,
Рѣшился лучше ихъ пасти,
И жизнь невинную въ Аркадіи вести.
Проворнымъ долго ль снаряжаться?
Обломокъ дротика пошелъ за посошокъ,
Котомкой съ шабакомъ мѣшокъ,
Фуфайка спальная пастушечьимъ камзоломъ;
А шляпу, въ знакъ его союза съ нѣжнымъ поломъ,
У клюшницы своей соломенную взялъ,
И ленной розоваго цвѣта
Подъ блѣдны щоки подвязалъ
Узлами въ образѣ букета.
Спустилъ на волю кобеля,
Который къ хлѣбному прикованъ былъ анбару;
Послалъ въ мясномъ ряду купить барановъ пару,
И стадо онъ свое разсыпалъ на поля
По первому морозу;
И началъ воспѣвать зимой весенню розу.
Но въ этомъ худа нѣтъ: веселому все въ ладъ,
И пусть играетъ всякъ любимою гремушкой;

Digitized by Google

А вотъ что не въ попадъ:
Идетъ коровница — почтя ее пастушкой,
Согнулъ нашъ пастушокъ колѣна передъ ней,
И, размахнувъ руками,
Отборными словами
Пустился пѣть эклогу ей.
„Аглая! — говоришъ — прелестная Аглая!
Предметъ и тайныхъ мукъ и радостей моихъ!
Всегда ли будешь ты, мой пламень презирая,
Лелѣять и любишь овечекъ лишь своихъ?
Послушай, милая! тамъ, позади кусточковъ,
На деревѣ гнѣздо нашелъ я голубочковъ:
Прими въ подарокъ ихъ отъ сердца моего;
Я радъ бы подарить любезную полсвѣтомъ:
Увы! мнѣ, кромѣ ихъ, Богъ не далъ ничего!
Они бѣлы, какъ снѣгъ, равны съ любою цвѣтомъ,
Но сердце не твое у нихъ!“
Межъ тѣмъ, какъ толстая коровница Аглая,
Кудрявыхъ словъ такихъ
Сѣдаго пастушка совсѣмъ не понимая,
Стоитъ разинувъ ротъ и выпуча глаза,
Ревнивый мужъ ея, подслушавъ Селадона,
Такого далъ ему пуза,
Что онъ невольно лбомъ отвѣсилъ три поклона;

Digitized by Google

Однако жь головы и шутъ не потерялъ.
„Пастухъ-невѣжда! онъ вскричалъ:
Не смѣй ты нарушать закона!
Начнемъ пастушій бой;
Пусть побѣдителя Аглая увѣнчаетъ:
Не бей меня, но пой!“
Мужъ грубый кулакомъ вторичнымъ отвѣчаетъ,
И къ щастью въ глазъ, а не въ високъ.
Тутъ нѣжный, вѣрный пастушокъ,
Смекнувъ, что это въявь увѣчье, не проказа,
Чрезъ поле рысакомъ во весь пустился духъ,
И съ этой спалъ поры ни вишязь, ни пастухъ;
Но просто: дворянинъ безъ глаза.

Ахъ! часто и въ себѣ я это замѣчалъ,
Что глупости бѣжа, въ другую попадалъ.

Digitized by Google

VIII.

СОВѢСТЬ.

Не шигръ, а человѣкъ — и сынъ убилъ... отца!
Убилъ, но никому невѣдомо то было;
Однако жъ сердце въ немъ уныло,
Завянулъ цвѣтъ лица,
Сталъ робокъ, одичалъ, и наконецъ сокрылся
Въ дремучіе лѣса.
Однажды, между тѣмъ, какъ онъ бродилъ, томился,
Попалося ему въ глаза
Воробышковъ гнѣздо; онъ подобралъ каменья
И началъ въ нихъ лукашь.
Прохожій, видя то и выйдя изъ терпѣнья,
Кричитъ ему: почто невинныхъ убиваешь?
„Какъ! онъ отвѣтствуетъ, легка ли небылица?
Проклятые кричатъ, что я отцеубійца!“
Прохожій на него бросаетъ строгій взоръ;
Онъ весь трясется и блѣднѣетъ;
Злодѣйство на челѣ часъ отъ часу яснѣетъ;
Винится, и вкусилъ со смертію позоръ.

*

Digitized by Google

О совѣсть! добрыхъ душь послѣдняя подруга!
Гдѣ уголокъ земнаго круга,
Куда бы не проникъ твой гласъ?
Неумолимая! вездѣ найдешь ты насъ.

Digitized by Google

IX.

ПРИДВОРНЫЙ и ПРОТЕЙ.

Издавна говорятъ, что будто Царедворцы
Для пользъ отечества худые радоборцы;
А я въ защиту ихъ скажу, что въ старину
Придворный именно спасъ цѣлую страну.
А вотъ какъ это и случилось.
Былъ моръ; изъ края въ край все Царство заразилось;
И рабъ, и господинъ, и попъ, лейбмедикъ самъ,
Все мретъ; а срокъ бѣдамъ
Зависѣлъ отъ ума Протея.
Но кто къ нему пойдетъ? Кривляка этотъ богъ
И прытких дѣлывалъ безъ ногъ,
Различны виды брать умѣя.
Изъ тысячи гражданъ одинъ былъ только смѣлъ,
Который при дворѣ возросъ и посѣдѣлъ,
Идти на всякой страхъ во что бы то ни стало.
Увидя рыцаря, Протей затрепеталъ,
И вмигъ — какъ небывалъ,
А выползла змѣя красивая, скрывъ жало.
„Куда какъ мудрено!
Сказалъ съ усмѣшкою придворный:

Digitized by Google

Я ползать и колоть ужь выученъ давно.“
И кинулся герой проворный
Ловить Протея. — Тотъ вдругъ обезьяной сталъ,
Тамъ волкомъ, тамъ лисою. —
„Не хвастайся передо мною!
И этому горазднъ!“ — Придворный говорилъ —
А между тѣмъ его веревкою крутилъ;
Скрутя же, говорятъ легко его заставилъ,
И цѣлую страну отъ мора тѣмъ избавилъ.

Digitized by Google

X.

СЛѢПЕЦЪ и РАЗСЛАБЛЕННЫЙ.

„И ты нещастливъ!.... дай же руку!
Начнемъ другъ другу помогать.
Ты скажешь: есть кому мнѣ вздохъ мой передать;
А я скажу: мою онъ знаетъ грусть и муку —
И легче будетъ намъ.“
Такъ говорилъ мудрецъ Востока,
И вотъ его же притча вамъ.
Два были нищіе, и оба властью рока
Лишенны были средствъ купить трудами хлѣбъ;
Одинъ былъ слѣпъ,
Другой разслабленный; желаютъ смерти оба;
Но горемыки здѣсь, какъ дара, ждутъ и гроба;
На помощь къ нимъ и смерть нейдетъ.
Разслабленный конца своимъ страданьямъ ждетъ
На голой мостовой, снося и жаръ и холодъ,
Всего же чаще голодъ
И нечувствительность румяныхъ богачей.
Слѣпецъ равно терпѣлъ, или еще и болѣ:
Тотъ могъ, хотя вдали, въ день лѣтній видѣть поле;
А для него ужъ нѣтъ и солнечныхъ лучей!

Digitized by Google

Вся жизнь глубока ночь, и скоро ль разсвѣтаетъ,
Увы! не знаетъ.
Одной собачкой онъ былъ искренно любимъ,
Ласкаемъ и водимъ;
И шу какіе-то злодѣи не украли,
А нагло отъ его веревки отвязали,
И увели съ собой.
Слѣпецъ случайно очутился
На томъ же мѣстѣ, гдѣ разслабленный томился;
Онъ слышитъ стонъ его, и самъ пускаетъ вздохъ.
„Товарищъ! говоритъ, нещастныхъ сводитъ Богъ;
Намъ должно побрататься,
Имѣть одну суму
И вмѣстѣ горевать. Не станемъ разлучаться!“
Согласенъ, отвѣчалъ разслабленный ему:
Но, добрая душа! какою мы подмогой
Другъ другу можемъ быть? ты слѣпъ, а я безногой!
Что жъ будемъ дѣлать мы? еще тебѣ скажу. —
„Какъ! подхватилъ слѣпецъ: ты зрячь, а я хожу;
Такъ ты служай меня глазами,
А я съ охотою служусь тебѣ ногами;
Ты за меня гляди, я за тебя пойду —
И будемъ каждый такъ служить въ свою чреду.“

Digitized by Google

XI.

ОТЕЦЪ СЪ СЫНОМЪ.

„Скажите, батюшка, какъ щастія добиться?“
Сынъ спрашивалъ отца. А тотъ ему въ отвѣтъ:
Дороги лучшей нѣтъ,
Какъ тѣломъ и умомъ трудишься,
Служа отечеству, согражданамъ своимъ,
И чаще быть съ перомъ и книгой,
Когда быть дѣльными хотимъ. —
„Ахъ, это тяжело! какъ легче бы?“ — Интригой,
Вкрасться жабой и ужомъ
Къ тому, кто при дворѣ фортуной вознесется...
„А это низко!“ — Ну, такъ просто... быть глупцомъ:
И этакъ многимъ удается.

Digitized by Google

XI.

СУПЪ ИЗЪ КОСТЕЙ.

„О времена! о времена!
Собака, выходя изъ кухни, горько выла:
Прощайся и съ косшьми! будь вѣчно голодна,
И околѣй за то, что съ вѣрностью служила!
Вотъ дождались какихъ мы дней!
Безвременная смерть! ужь мѣшъ намъ и костей!“ —
Да гдѣ жь онѣ? вопросъ ей сдѣлала другая,
Собака пожилая,
Прикована подлѣ воротъ. —
„Въ котлѣ, да не для насъ, а для самихъ господъ:
Какой-то выдумщикъ, злодѣй собачью роду,
И вѣрно ужь Французъ, пустилъ и кости въ моду!
Онъ выдумалъ изъ нихъ дешевый супъ варить,
И хочетъ имъ людей кормить;
А намъ уже ни кости!
Я тресну съ голода и злости!“ —
А мой совѣтъ, сказалъ на привязи мудрецъ:
Въ молчаніи терпѣть, пока судьба сурова!
Вѣдь этотъ случай намъ не первый образецъ:
Большой всегда на счетъ меньшова.

TAYLOR INST. OXFORD
Digitized by Google

XIII.

ПЧЕЛА и МУХА.

„Здорово, душенька! влетя въ окно Пчела,
Такъ Мухѣ говорила:
Сказать ли вѣсточку? Какой я сотъ слѣпила!
Мой медъ прозрачнѣе стекла;
И какъ душистъ! какъ сладокъ, вкусенъ!“ —
Повѣрю, Муха ей отвѣтствуетъ: вашъ родъ
Природно въ томъ искусенъ;
А я хотѣла бъ знать, каковъ-то будетъ плодъ,
Продлятся ли жары?—„Да! что-то будетъ съ медомъ?“—
Ахъ! этотъ медъ, да медъ, твоимъ всегдашнимъ бредомъ!—
„Да для того, что медъ...“ Опять? нѣтъ силъ терпѣть,
Какое малодушье!
Я, право, получу отъ словъ твоихъ удушье. —
„Удушье? ничего! съѣсть меду, да вспотѣть,
И все пройдетъ; мой медъ...—„Чтобъ быть тебѣ безъ жала!
Съ досадой Муха ей сказала:
Сокройся въ улій свой, вралиха! иль молчи! —

О эгоисты-рифмачи!

Digitized by Google

XIV.

СЛОНЪ и МЫШЬ.

Какъ ни великъ и силенъ Слонъ,
Однако же и онъ
Поиманъ мудростью людскою:
Превосходительный тяжелою стопою
Ступилъ по хворосту, и провалился въ ровъ.
Чрезъ часъ потомъ и Мышь подверглась той же долѣ.
Но Мышкѣ тамъ просторъ; она, не тратя словъ,
Пошла карабкаться, и выпрыгнула въ поле;
А великанъ мой, ставъ по нуждѣ философъ,
Не могши въ западнѣ ниже пошевелиться:
„Увы! кричитъ, къ чему ведетъ насъ толщина?
Что въ ростѣ? Мѣлочнымъ не страхъ и провалиться,
И Мышка въ западнѣ свободнѣе Слона!“

Digitized by Google

XV.

БЫКЪ и КОРОВА.

„Какъ жалокъ ты! Быку Корова говорила:
Судьба тебя на трудъ всегдашній осудила.“
На утро повели Корову на убой,
Къ закланію богамъ. Быкъ, вспомня рѣчь вчерашню,
„Гордись, красавица, сказалъ, твоей судьбой:
Ты къ олтарямъ идешь, а я — опять на пашню.“

Digitized by Google

XVI.

БОБРЪ, КАБАНЪ и ГОРНОСТАЙ.

Кабанъ, да Бобръ и Горностай
Стакнулись къ выгодамъ искать себѣ дороги.
По долгомъ странствіи, въ пути ошибивши ноги,
Приходятъ наконецъ въ обѣщованный край,
Привольный для всего; однакожь этотъ рай
Былъ окруженъ болотомъ,
Вмѣстилищемъ и жабъ и змѣй.
Что дѣлать? Ни какимъ не можно изворотомъ
Болота миновать, а кто себѣ злодѣй?
Кому охотно жизнь отваживать безъ славы?
Въ раздумьи путники стоятъ у переправы.
Осмѣлюсь, Горностай помыслилъ; и слегка
Онъ лапку въ бродъ и вонъ, и одаль въ два прыжка:
„Нѣтъ! братцы, говоритъ, по совѣсти признаться,
Со всѣмъ обиліемъ край этотъ не хорошъ;
Чтобъ входъ къ нему найти, такъ должно замарашься,
А мнѣ и пятнышко ужаснѣе чѣмъ ножъ!“
Ребята! Бобръ сказалъ, съ терпѣньемъ
И умѣньемъ
Добьешься до всего; я въ двѣ недѣли мостъ

Digitized by Google

Исправный здѣсь построю:
Тогда мы перейдемъ къ довольству и покою;
И гады въ сторонѣ, и не замаранъ хвостъ;
Вся сила не спѣшитъ и бодрствовать въ надеждѣ. —
„Въ полмѣсяца? пустякъ! я буду тамъ и прежде,“
Вскричалъ Кабанъ — и разомъ въ бродъ:
Ушелъ по рыло въ топь, и змѣй и жабъ, все давитъ,
Ногами бьетъ, пыхтитъ, упорно къ цѣли правитъ,
И хватски на берегъ изъ мутныхъ вылезъ водъ.
Межъ тѣмъ, какъ на другомъ товарищи зѣваютъ,
Кабанъ, встряхнувшися, надменный принялъ видъ,
И чрезъ болото къ нимъ съ презрѣніемъ хрючитъ:
„Вотъ какъ по нашему дорогу пробиваютъ!“

Digitized by Google

КНИГА ТРЕТІЯ.

Digitized by Google

Digitized by Google

КНИГА ТРЕТІЯ.

I.

КОТЪ, ЛАСТОЧКА и КРОЛИКЪ.

Случилось Кролику отъ дома отлучиться,
Иль лучше, онъ пошелъ Авроръ поклониться
На тьминѣ, вспрыснутомъ росой.
Здоровъ, спокоенъ и на волѣ,
Попрыгавъ, пощипавъ муравки свѣжей въ полѣ,
Приходитъ Кроличекъ домой,
И что же? чуть его не подкосились ноги!
Онъ видитъ: Ласточка разставливаетъ тамъ
Своихъ пенашовъ по угламъ!
„Во снѣ ли я, иль нѣтъ? страннопріимны боги!“
Изгнанникъ возопилъ
Изъ отческаго дома. —
Что надобно? — вопросъ хозяйки новой былъ.
„Чтобъ ты, сударыня, безъ грома
Скорѣй отсюда вонъ! ей Кроликъ отвѣчалъ:
Пока я всѣхъ мышей на помощь не призвалъ.“ —
Мнѣ выдти вонъ? она вскричала: вотъ прекрасно!

Digitized by Google

Да что за право самовластно?
Кто далъ тебѣ его? и стоишъ ли войны
Нора, въ которую и самъ ползкомъ ты входишь?
Но пусть и царство будь: не всѣ ль мы здѣсь равны?
И гдѣ, скажи мнѣ, ты находишь,
Что Богъ, создавши свѣтъ, его размежевалъ?
Богъ создалъ Ласточку, тебя и Дромадера;
А землемѣра
Отнюдь не создавалъ.
Кто жь болѣ права далъ на эту десятину
Петрушкѣ Кролику, племяннику, иль сыну
Филата, Фефела, чѣмъ Карпу или мнѣ?
Пустое, братъ! земля всѣмъ служитъ на равнѣ;
Ты первый захватилъ: тебѣ принадлежала;
Ты вышелъ, я пришла: моею норка стала."
Петръ Кроликъ приводилъ въ доводъ
Обычай, *давность* — ихъ закономъ;
Онъ утверждалъ: введенъ въ владѣніе нашъ родъ
Безспорно этимъ домомъ,
Который Кроликомъ Софрономъ
Отказанъ, справленъ былъ за сына своего
Ивана Кролика; по смерти же его
Досталася, въ силу права,
Тожъ сыну, именно мнѣ Кролику Петру;

Digitized by Google

Но если думаешь, что вру,
То отдадимъ себя на судъ мы *Крысодава*. —
А этотъ *Крысодавъ*, сказать безъ многихъ словъ,
Былъ постный, жирный Котъ, мужъ святъ изъ всѣхъ
Котовъ,
Пустынникъ набожный средь свѣта,
И въ *казусныхъ* дѣлахъ оракулъ для совѣта.
„Съ охотой!“ Ласточка сказала. И потомъ
Пошли они къ Коту. Приходятъ, бьютъ челомъ,
И оба говорятъ: „Помилуй!“ — Разсудите!... —
Поближе, дѣтушки, ихъ перервалъ судья:
Не слышу я,
Онъ старости сталъ глухъ; поближе подойдите!—
Они подвинулись, и вновь ему поклонъ;
А онъ
Вдругъ обѣ лапы врозь, царапъ того, другова,
И вмигъ ихъ примирилъ,
Не вымолвя ни слова:
Задавилъ.

Не тоже ль иногда бываетъ съ Корольками,
Когда они въ своихъ дѣлишкахъ по землямъ
Не могутъ примириться сами,
А прибѣгаютъ къ Королямъ?

Digitized by Google

II.

ЖАВОРОНОКЪ СЪ ДѢТЬМИ И ЗЕМЛЕДѢЛЕЦЪ.

Пословица у насъ: *на ближнихъ уповай,*
А самъ ты не плошай!
И правда; вотъ примѣръ. Въ прекрасные дни года,
Въ которые цвѣтетъ и нѣжится природа,
Когда все любится, медвѣдь въ лѣсу густомъ,
Киты на днѣ морскомъ,
А жаворонки въ полѣ,
Не вѣдаю того по волѣ, иль неволѣ,
Но самочка одна
Изъ племя Жавронковъ летала, да гуляла,
И о вліяніи весны не помышляла,
А ужь давно весна!
Сдалася, наконецъ, природѣ и она,
И матерью еще назваться захотѣла:
У пшичекъ много ли зашѣй?
Свила во ржи гнѣздо, снесла яичекъ, сѣла,
И вывела дѣшей.
Рожь выросла, созрѣла,

Digitized by Google

А пшенчики еще не въ силахъ ни порхать,
Ни корма доспавать;
Все матушка ищи. — „Ну, дѣтушки, прощайте!
Я за припасомъ полечу,
Сказала имъ она: а вы здѣсь примѣчайте,
Не соберутся ль жать, и тотчасъ голосъ дайте;
Такъ я другое вамъ присланище сыщу.“
Она лишь изъ гнѣзда, пришелъ хозяинъ въ поле,
И сыну говоритъ: „вѣдь рожь и жать пора,
Смотри, какъ машера!
Ступай же ты, не медля болѣ,
И попроси друзей на помощь къ намъ придти.“ —
Ахъ, матушка! лети, скорѣе къ намъ лети!
Малюшки въ страхѣ запищали.
„Что, что вамъ сдѣлалось?“ — Ахти! мы всѣ пропали:
Хозяинъ былъ, онъ хочетъ жать,
Ужь сыну и друзей велѣлъ на помочь звать. —
„А болѣ ничего? отвѣтствовала мать:
Такъ не къ чему спѣшить: *день ночи мудренѣе;*
Вотъ, дѣтушки, вамъ кормъ: покушайте скорѣе,
Да ляжемъ съ Богомъ спать!“ Они того, сего
Клевнули,
Прижались подъ крыло къ родимой и уснули.
Ужь день, а изъ друзей нѣтъ въ полѣ никого.

Digitized by Google

Пичужечка опять пустилась за припасомъ;
А селянинъ на рожь,
И мыслитъ: на родню сторонній не похожъ!
Поди-ка, сынъ мой, добрымъ часомъ,
Ты къ дядѣ своему, да сватью поклонись. —
Малютки пуще взволновались,
И матери во слѣдъ всѣ въ голосъ раскричались:
„Ахъ! милая, скорѣй, родима, воротись!
Ужь за родней пошли.“ — Молчите, не пугайтесь!
Отвѣтствовала мать: и съ Богомъ оставайтесь. —
Еще проходитъ день; хозяинъ въ третій разъ
Приходитъ на поле. Изрядно учатъ насъ,
Онъ сыну говоритъ: и дѣльно! впредь не станемъ
Съ надеждою зѣвать, а поскорѣй вспомянемъ,
Что всякой самъ себѣ вѣрнѣйшій другъ и братъ;
Ступай же ты назадъ,
И матери скажи съ сестрами,
Чтобъ на поле пришли съ серпами. —
А птичка слыша то, сказала дѣтямъ такъ:
„Ну, дѣтки, вотъ теперь къ походу вѣрный знакъ!“
И дѣти въ тотъ же мигъ скорѣй, скорѣй сбирались,
Расправя крылья, въ первый разъ
За матикой кое-какъ вверхъ, вверхъ приподнимались,
И скрылися отъ глазъ.

Digitized by Google

III.

ВЕРБЛЮДЪ и НОСОРОГЪ.

Верблюду говорилъ однажды Носорогъ:
„Во вѣкъ я приложишь ума къ тому не могъ,
За что предъ нами вы въ такой щастливой долѣ?
Васъ держишъ человѣкъ всегда въ чести и холѣ,
И кормишъ вдоволь и поишъ,
И ваше разводишь стараешся онъ племя;
Согласенъ, что на васъ не рѣдко вьючашъ бремя,
Отъ коего вашъ брашъ довольно и кряхтишъ,
Что кротки вы, легки, притомъ неутомимы;
Но тѣ же самыя достоинства и въ насъ,
Да по рогу еще для случая въ запасъ —
А все мы презрѣны, гонимы!“
Дружокъ! отвѣтствовалъ Верблюдъ:
Покорность иногда достоинствамъ замѣна.
Чтобъ людямъ угодишь, одинъ ли нуженъ трудъ?
Умѣй и подгибать колѣна.

Digitized by Google

IV.

РЫСЬ и КРОТЪ.

Когда-то Рысь, найдя лежащаго Крота,
Изъ жалости ему по свойски говорила:
Увы! мой бѣдный Крошъ! нещастье слѣпота!
И рощица и лугъ съ цвѣтами — всѣ мѣста
Тебѣ какъ темная могила!
Какая жизнь пивоя!
Съ утра до вечера ты спишь, или зѣваешь,
И ни о чемъ не разсуждаешь;
А я
Теперь же будто на ладонѣ,
Все вижу на версту вокругъ,
И все пересказать готова — слушай, другъ:
Вотъ Ястребъ въ облакахъ за Коршуномъ въ погонѣ;
Здѣсь Ласточка своихъ птенцовъ
Питаетъ мухами, добычей пауковой;
Тамъ хитрая Лиса Цыпленку строитъ ковъ;
Тамъ Кролика постигъ ружья ударъ громовой;
Здѣсь Кошка давитъ Мышь; а тамъ
Змѣя впилась въ Корову;
А далѣе Медвѣдь, разинувъ пасть багрову,

Digitized by Google

Ревешъ, и гонишся за Серной по скаламъ;
А вотъ и люшый Волкъ Ягненочка шерзаешъ.... —
„Ахъ, полно, полно! Крошъ болшунью прерываешъ:
Ушѣшно ль зрячимъ бышь для ужасовъ шакихъ?
Довольно и шого, чшо слышалъ я объ нихъ.“

Digitized by Google

V.

ИСТУКАНЪ и ЛИСА.

Оселъ, какъ скотъ простой,
Глядитъ на Истуканъ пустой
И лижетъ позолоту;
А хитрая Лиса, взглянувши на работу
Прилѣжно раза два,
Пошла и говоритъ: „Прекрасна голова,
Да жаль, что мозгу нѣтъ!“ — Безмозглые вельможи!
Не правда ли, что вы съ симъ Истуканомъ схожи?

Digitized by Google

VI.

ЖЕЛАНІЯ.

Сердися Лафонтенъ, иль нѣтъ,
А я съ нимъ не могу разстаться.
Что дѣлать? виноватъ, свое на умъ нейдетъ,
Такъ за чужое приниматься.
Слыхали ль вы когда. отъ нянекъ объ духахъ,
Которыхъ за просто зовемъ мы Домовыми?
Какъ не слыхать! дѣтей всегда стращаютъ ими;
Они во всѣхъ странахъ
Живутъ между людей, неся различны службы —
Безъ всякой платы, лишь изъ дружбы:
Кто правитъ кухнею, кто холитъ лошадей;
Иные берегутъ людей
Отъ злаго глаза и уроковъ,
И всѣ имѣютъ даръ пророковъ.
Одинъ изъ тѣхъ Духовъ
Былъ въ Индіи у мѣщанина
Хранителемъ его садовъ.
Онъ госпожу и господина
Любилъ не меньше, чѣмъ родныхъ:
Всегда, бывало, ихъ

Digitized by Google

Своимъ усердьемъ утѣшаетъ,
И въ упражненьи всякой часъ
То мирточки садитъ, то лучшій ананасъ
Къ столу хозяевъ выбираетъ.
Хозяямъ кладъ былъ гость такой!
Но доброе всегда непрочно!
Не знаю точно,
Что было этому виной —
Политика, или товарищей коварство —
Вдругъ отъ начальника приказъ ему лихой
Летѣть въ другое государство;
Куда жь? сказать ли вамъ,
Сердца чувствительны и нѣжны?
Изъ мѣстъ, гдѣ цвѣта нѣтъ цвѣтамъ,
Изъ вѣчнаго тепла, въ сугробы, въ горы снѣжны,
На край Норвегіи! Вдругъ изъ Индѣйца будь
Лапланецъ! Такъ и бышь, слезами не поправишь,
А только лишь надсадишь грудь.
„Прощайте, господа! мнѣ должно васъ оставить!
Со вздохомъ добрый Духъ хозяйвамъ говорилъ:
Я здѣсь ужь отслужилъ;
Нашъ Князь указъ наслалъ, предписываетъ строго
Лешѣть на Сѣверъ мнѣ. Хошь грустно, но лешѣшь!
Не долго, милые, уже на васъ глядѣть:

Digitized by Google

Съ недѣлю, мѣсяцъ много.
Что мнѣ оставишь вамъ за вашу хлѣбъ и соль,
Въ знакъ моего признанья?
Скажите; я могу исполнить три желанья."
Извѣстенъ человѣкъ: проситъ чего? изволь,
Сей часъ готовы крылья.
„Ахъ! изобилья, изобилья!"
Вскричали въ голосъ мужъ съ женой.
И изобиліе рѣкой
На домъ ихъ полилося:
Въ шкатулы золотомъ, въ анбары ихъ пшеномъ,
А въ выходы виномъ;
Верблюдовъ табуны — откуда что взялося!
Но сколько жъ и заботъ прибавилося съ тѣмъ!
Легко ли усмотрѣть за всѣмъ,
Все счесть, все записать? минуты нѣтъ покоя:
Въ день доброхотовъ угощай,
Тому въ часъ добрый въ долгъ, другому такъ давай,
А въ ночь дрожи и жди разбоя.
„Нѣтъ, Духъ! они кричатъ: возьми свой даръ назадъ;
Съ богатствомъ не житье, а въ живѣ сущій адъ!
Приди, спокойствія подруга неизмѣнна,
Наставница людей,
Посредственность безцѣнна!

*

Digitized by Google

Приди, и возврати намъ щастье прежнихъ дней!“
Она пришла, и два желанія свершились;
Осталось третье объявить:
Подумали они, и наконецъ рѣшились
Благоразумія просить,
Которое во всяко время
Нигдѣ и никому не въ бремя.

Digitized by Google

VII.

НИЩІЙ и СОБАКА.

Большой боярской дворъ Собака стерегла.
Увидя старика, входящаго съ сумою,
Собака лаять начала. —
Умилосердись надо мною!
Съ боязнью, пошепномъ бѣднякъ ее молилъ:
Я сушки ужь не ѣлъ.... опъ глада умираю!“ —
За шѣмъ по я и лаю,
Собака говоритъ, чтобъ ты накормленъ былъ.

Наружность иногда обманчива бываетъ:
Иной какъ звѣрь, а добръ; тотъ ласковъ, а кусаетъ.

Digitized by Google

VIII.

СВЕРЧКИ.

Два обывателя столицы безъимянной,
Между собою земляки,
А націей Сверчки,
Избрали для себя квартирой постоянной
Судейскій домъ;
Одинъ въ передней жилъ, другой же въ кабинетѣ,
И каждый день они видалися шайкомъ.
„Нѣтъ лучше нашего хозяина на свѣтѣ!
Сказалъ товарищу Сверчокъ:
Какъ гнется, даромъ что высокъ!
Какая кротость въ немъ! какая добродѣтель!
И какъ трудолюбивъ! я самъ тому свидѣтель,
Какую кучу онъ записокъ отберетъ,
И что же? ни одной изъ нихъ не издеретъ;
А всѣ за нимъ тащатъ!“ На произволъ судьбины,
Товарищъ подхватилъ:
Дружокъ! ты видно вѣкъ въ прихожихъ только жилъ,
И вмѣсто лицъ привыкъ разсматривать личины;
Не то бы ты сказалъ, узнавши кабинетъ!
Въ передней баринъ то, чѣмъ хочетъ онъ казаться;

Digitized by Google

А здѣсь, какимъ родился въ свѣтъ:
Богатому служить, предъ сильнымъ пресмыкаться;
А до другихъ и дѣла нѣтъ:
Вотъ нашего ханжи и все тутъ уложенье!
Оставь же лишнее къ нему ты уваженье!
И въ обществѣ людскомъ,
Гдѣ многое тебѣ покажется превратнымъ,
Умѣй ты различать двухъ человѣкъ въ одномъ:
Парадного съ *приватнымъ*.

Digitized by Google

IX.

ОСЕЛЪ и КАБАНЪ.

Не знаю отъ чего зазнавшійся Оселъ,
Храбрился, что вражду съ Кабаномъ онъ завелъ,
Съ которымъ и не льзя имѣть ему пріязни.
„Что мнѣ Кабанъ! Оселъ рычалъ:
Сей часъ готовъ съ нимъ въ бой безъ всякія боязни!“
Мнѣ въ бой съ тобой? Кабанъ съ презрѣніемъ сказалъ:
Нещастный! будь спокоенъ:
Ты славной смерти недостоинъ.

Digitized by Google

X.

ЛЕТУЧАЯ РЫБА.

Есть рыбы, говорятъ, которыя летаютъ.
Не бойтесь; я хочу не Плинія читать,
А только вамъ сказать,
Что и у рыбъ бываютъ
Такіе жъ мудрецы и трусы, какъ у насъ;
Вотъ и примѣръ для васъ.
Одна изъ рыбъ такихъ и день и ночь грустила
И бабушкѣ своей твердила:
„Ахъ, бабушка! куда отъ злобы мнѣ уйти?
Гоненіе и смерть повсюду на пути!
Лишь только я летать, орлы клюютъ носами;
Нырну въ глубь моря, тамъ встрѣчаема волками!“
Старуха ей въ отвѣтъ:
Что дѣлать, дитятко! такова стала нынѣ свѣтъ!
Кому не суждено Орломъ быть, или Волкомъ,
Тому одинъ совѣтъ, чтобъ избѣжать бѣды:
Держись всегда своей пропинки тихомолкомъ,
Плывя *близъ* воздуха, летая *близъ* воды.

Digitized by Google

XI.

ТРИ ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

Съ восходомъ солнечнымъ переходя лужокъ,
Три душника нашли съ червонцами мѣшокъ;
Они находку раздѣлили
И съ общаго потомъ согласья положили,
Чтобъ младшему идти за хлѣбомъ на обѣдъ.
Товарищъ ихъ пошелъ, а старшій, глядя въ слѣдъ,
Другому говоритъ: почто его мы взяли?
Не будь онъ, такъ мѣшокъ достался бъ только двумъ.
Но знаешь ли, что мнѣ пришло, товарищъ, въ умъ?
Кинжалъ бы въ бокъ ему, и поминай какъ звали! —
А часть его въ раздѣлъ, товарищъ подкватилъ. —
Межь тѣмъ и закупщикъ дорогой въ мысляхъ былъ:
„Что! если бы вчера, не нынѣ,
Попался мнѣ мѣшокъ? тогда я шелъ одинъ,
Тогда бъ я былъ не въ половинѣ,
А полной суммы господинъ!....
Дай хлѣбъ отправимъ!
Товарищей моихъ постигнетъ вѣчный сонъ,
А мы къ своей казнѣ и ихъ казну прибавимъ.“
Какъ думалъ, такъ и сдѣлалъ онъ.

Digitized by Google

Хлѣбъ съ ядомъ принесенъ; но прежде въ два кинжала
Товарищи его пронзили на повалъ;
Попомъ, когда въ немъ кровь подъ сердцемъ замирала,
Но онъ еще дышалъ,
Они, наѣвшись хлѣба,
И сами у его просперлись хладныхъ ногъ.
Ихъ нѣтъ, а деньги тушъ! — и голосъ грянулъ съ неба:
Всевидящъ скрытый Богъ!

Digitized by Google

XII.

ОРЕЛЪ и КАПЛУНЪ.

Юпитеровъ Орелъ за облака взвивался:
Уже онъ къ трону приближался
Властителя громовыхъ стрѣлъ —
И весь пернатыхъ родъ на слѣдъ его смотрѣлъ.
„Не даромъ онъ любимъ Юнониным супругомъ!
Въ восторгѣ восклицалъ Пѣтухъ:
Какая быстрота! какой великій духъ!
Какимъ онъ очершилъ свой путь обширнымъ кругомъ!
Не даромъ, повторю, врученъ ему перунъ;
Кто равенъ съ нимъ? “ — Кто? ты и я, сказалъ Каплунъ:
Конечно; будемъ только смѣлы,
То также обтечемъ небесные предѣлы
И къ солнцу возлетимъ;
А это покажу примѣромъ я моимъ. —
Съ симъ словомъ, размахнувъ крылами,
Уже задорный удалецъ
Между землей и небесами —
И въ мигъ.... на кровлю какъ свинецъ!

Спасибо Каплуну! и онъ урокъ оставилъ:
Отважный безъ ума всегда себя безславилъ.

Digitized by Google

XIII.

МАГНИТЪ и ЖЕЛѢЗО.

Природу одолѣть превыше нашихъ силъ:
Смиримся же предъ ней, не умствуя ни мало.
„За чѣмъ ты льнешь?“ Магнитъ Желѣзу говорилъ. —
За чѣмъ влечешь меня? Желѣзо отвѣчало.

Прелестный, милый полъ! чѣмъ кончу я разсказъ
Легко ты отгадаешь.
Подобно такъ и ты безъ умысла прельщаешь;
Подобно такъ и мы невольно любимъ васъ.

Digitized by Google

XIV.

СТАРИКЪ и ТРОЕ МОЛОДЫХЪ.

Старикъ, лѣтъ въ семдесятъ, рылъ яму и кряхтѣлъ:
Добро бы строилъ, нѣтъ! садилъ еще хотѣлъ!
А трое молодцовъ, зѣвая на работу,
Смѣялися надъ нимъ. „Какую же охоту
На старости Богъ далъ!“
Одинъ изъ нихъ сказалъ.
Другой прибавилъ: что жъ? еще не опоздалъ!
Ковчегъ и большаго перпѣнья стоилъ Ною.
„Смѣшонъ ты, дѣдушка, съ надеждою пустою!
Примолвилъ третій Старику:
Довольно, кажется, ты пожилъ на вѣку;
Когда жъ тебѣ дождаться,
Подъ тѣнію твоей рябинки прохлаждаться?
Ровесникамъ твоимъ и настоящій часъ
Невѣренъ;
А *завтрема* льстишь себя оставь уже ты насъ.“
Совѣтъ довольно здравъ, довольно и умѣренъ
Для мудреца въ шестнадцать лѣтъ!
„Повѣрьте мнѣ, друзья, Старикъ сказалъ въ отвѣтъ,
Что *завтре* ни мое, ни ваше;

Digitized by Google

Что Парка блѣдная равно
Взираетъ на теченье наше.
Отъ Провидѣнія намъ вѣдать не дано,
Кому изъ насъ оно судило
Послѣднему взглянуть на ясное свѣтило!
Не можете и вы надежны быть, какъ я,
Ниже на мигъ одинъ.... Работа же моя
Не мнѣ, такъ дѣтямъ пригодится;
Чувствительна душа и въ чужѣ веселится.
И такъ вы видите, что мной уже собранъ плодъ,
Которымъ я могу теперь же наслаждаться,
И *завтре*, можетъ статься,
И далѣе.... какъ знать? быть можетъ, что и годъ.
Ахъ! можетъ быть и то, что вашъ безумецъ хилой
Застанетъ мѣсяца восходъ
Надъ вашей, розами усыпанной.... могилой!"
Старикъ предчувствовалъ: одинъ, прельстясь пескомъ—
Конечно золотымъ — уснулъ на днѣ морскомъ;
Другой подъ миртами исчезъ въ цвѣтущи лѣта;
А третій — дворянинъ, за честь къ отмщенью скоръ,
Войдя съ пріятелемъ въ театрѣ въ легкой споръ,
За кресла, помнится.... убитъ изъ пистолета.

Digitized by Google

XV.

ЛЕВЪ и КОМАРЪ.

Прочь ты, подлѣйшій гадъ, навоза порожденье!
Левъ гордый Комару сказалъ. —
Потише! отвѣчалъ Комаръ ему: я малъ,
Но самъ не меньше гордъ, и не снесу презрѣнье!
Ты царь звѣрей,
Согласенъ;
Но мнѣ ни мало не ужасенъ:
Я и Быкомъ верчу, а онъ тебя сильнѣй.
Сказалъ, и, сдавъ трубачь, жужжитъ повѣстку къ бою;
Потомъ съ размашкою, приличною герою,
Встряхнулся, полетѣлъ, и въ шею Льву впился:
У Льва глазъ кровью налился;
Изъ пасти пѣна бьетъ; зубами онъ скрежещетъ,
Реветъ, и все вокругъ уходитъ и трепещетъ!
Отъ Комара всеобщій страхъ!
Онъ въ тысячи мѣстахъ,
И въ шею, и въ бока, и въ брюхо Льва кусаетъ,
И даже въ глубь ноздри влетаетъ!
Тогда нещастный Левъ, въ страданьи выше силъ,
Какъ бѣшеный, вкругъ чреслъ хвостомъ своимъ забилъ;

Digitized by Google

И началъ грызть себя; потомъ.... лишившись мочи,
Упалъ, и грозныя на вѣкъ смыкаетъ очи.
Крылатый богатырь шутъ пуще зажужжалъ,
И всюду разглашать о подвигахъ помчался;
Но скоро самъ попалъ
Въ засаду къ Пауку и съ жизнію разсшался.

Увы! въ юдоли слезъ невѣренъ каждый шагъ;
Опъ злобы, опъ бѣды, когда и гдѣ въ покоѣ?
Опасенъ *крупный* врагъ,
А *мѣлкой* часто въ двое.

Digitized by Google

XVI.

ЦАРЬ и ДВА ПАСТУХА.

Какой-то Государь, прогуливаясь въ полѣ,
Раздумался о Царской долѣ.
„Нѣтъ хуже нашего, онъ мыслилъ, ремесла:
Желалъ бы дѣлать то, а дѣлаешь другое!
Я всей душой хочу, чтобъ у меня цвѣла
Торговля; чтобъ народъ мой ликовалъ въ покоѣ;
А принужденъ вести войну,
Чтобъ защищать мою страну.
Я подданныхъ люблю, свидѣтели въ томъ боги,
А долженъ прибавлять еще на нихъ налоги;
Хочу знать правду, всѣ мнѣ лгутъ.
Бояра лишь чины берутъ,
Народъ мой стонетъ, я страдаю,
Совѣтуюсь, тружусь, никакъ не успѣваю;
Полсвѣта властелинъ, не веселюсь ни чѣмъ!“
Чувствительный Монархъ подходитъ между тѣмъ
Къ пасущейся скотинѣ;
И что же видитъ онъ? разсыпанныхъ въ долинѣ
Барановъ, тощихъ до костей,
Овечекъ безъ ягнятъ, ягнятъ безъ матерей!

Digitized by Google

Всѣ въ страхѣ бѣгаютъ, кружатся,
А псамъ и нужды нѣтъ: они подъ тѣнь ложатся;
Лишь бѣдный мечется Пастухъ:
То за бараномъ въ лѣсъ во весь онъ мчится духъ,
То бросится къ овцѣ, которая отстала,
То за любимымъ онъ ягненкомъ побѣжитъ,
А между тѣмъ ужь волкъ барана въ лѣсъ тащитъ;
Онъ къ нимъ, а здѣсь овца волчихи жертвой стала.
Отчаянный Пастухъ рветъ волосы, реветъ,
Бьетъ въ грудь себя и смерть зоветъ.
„Вотъ точный образъ мой, сказалъ самовластитель:
И такъ, и смиренькихъ животныхъ охранитель
Такими жь, какъ и мы, напастьми окруженъ,
И онъ, какъ Царь порабощенъ!
Я чувствую теперь какую-то отраду.“
Такъ думая, впередъ онъ путь свой продолжалъ:
Куда? и самъ не зналъ;
И наконецъ пришелъ къ прекраснѣйшему стаду.
Какую разницу Монархъ увидѣлъ тутъ!
Баранамъ щету нѣтъ, отъ жира чуть идутъ;
Шерсть на овцахъ какъ шелкъ и тяжестью ихъ клонитъ;
Ягнятки, кто кого скорѣе перегонитъ,
Толпятся къ матокинымъ питательнымъ сосцамъ;
А Пастушокъ въ свирѣль подъ липою играетъ,

Digitized by Google

И милую свою пастушку воспѣваетъ.

„Не сдобровать, овечки, вамъ!

Царь мыслитъ: волкъ любви не чувствуетъ закона,

И Пастуху свирѣль худая оборона.“

А волкъ и подлино, ошкуда ни возмись,

Во всю несется рысь;

Но псы, которые то стадо сторожили,

Вскочили, бросились, и волка задавили;

Потомъ одинъ изъ нихъ ягненочка догналъ,

Который далеко отъ страха забѣжалъ,

И тотчасъ въ кучку всѣхъ по прежнему собралъ;

Пастухъ же все поетъ, не шевелясь ни мало.

Тогда уже въ Царѣ терпѣнія не стало.

„Возможно ль? онъ вскричалъ: здѣсь множество волковъ,

А ты одинъ...: умѣлъ сберечь большое стадо!“ —

Царь! отвѣчалъ Пастухъ, тутъ хитрости не надо:

Я выбралъ *добрыхъ* псовъ.

Digitized by Google

XVII.

СМЕРТЬ и УМИРАЮЩІЙ.

Одинъ охотникъ жилъ, не старѣе ста лѣтъ,
Предъ Смертію дрожилъ и вопилъ,
За чѣмъ она его торопитъ
Въ расплохъ оставить свѣтъ,
Не давъ ему свершить, какъ водится, духовной,
Не предваря его хоть за годъ напередъ,
Что онъ умретъ. —
„Увы! онъ говоритъ: а я лишь въ подмосковной
Палаты заложилъ; хотя бы ихъ докласть;
Дай винокуренный заводъ мой мнѣ поправить,
И правнуковъ женить! а тамъ.... твоя ужъ власть!
Готовъ, перекрестясь, я бѣлый свѣтъ оставить.“
Неблагодарный! Смерть ополчествуетъ ему:
Пускай другіе мрутъ въ весеннемъ жизни цвѣтѣ;
Тебѣ бы одному
Не умирать на свѣтѣ!
Найдешь ли двухъ въ Москвѣ, — десятка даже нѣтъ
Во всей Имперіи, дожившихъ до ста лѣтъ.
Ты думаешь, что я должна бы приготовить
Заранѣе тебя къ свиданію со мной:

Digitized by Google

Тогда бы ты успѣлъ красивый домъ построить,
Духовную свершить, заводъ поправить свой,
И правнуковъ женить; а развѣ мало было
Навѣкъ отъ меня? Не ты ли посѣдѣлъ?
Не ты ли сталъ ходить, глядѣть и слышать хило?
Потомъ пропалъ твой вкусъ, желудокъ ослабѣлъ,
Увянулъ цвѣтъ ума, и память притупилась;
Годъ отъ году хладѣла кровь,
Въ день ясный средь цвѣтовъ душа твоя томилась,
И ты оплакивалъ и дружбу и любовь.
Съ которыхъ лѣтъ уже отвсюду поражаетъ
Тебя печальна вѣсть: тотъ сверстникъ умираетъ,
Тотъ умеръ, этотъ занемогъ
И на одрѣ мученья?
Какого жъ болѣе хотѣлъ ты извѣщенья!
Короче: я уже ступила на порогъ,
Забудь и горе и веселье;
Исполни мой устав! —
Сказала, и Старикъ, не думавъ, не гадавъ,
И не достроя домъ, попалъ на новоселье!!

Смерть права: во сто лѣтъ отсрочки поздно ждать;
Да какъ бы въ старости стращиться умирать?
Доживъ до позднихъ дней, мнѣ кажется изъ міра

Digitized by Google

Такъ должно выходишь, какъ гость отходитъ съ пира,
Отдавъ за хлѣбъ и соль хозяину поклонъ.
Пути не миновать, къ чему жь послужитъ стонъ?
Ты сѣтуешь, старикъ! Взгляни на рядно поле:
Взгляни на юношей, на этотъ милый цвѣтъ,
Которые летятъ на смерть по доброй волѣ,
На смерть прекрасную, сомнѣнія въ томъ нѣтъ,
На смерть похвальную, вездѣ превозносиму,
Но часто тяжкую, притомъ неизбѣжиму!...
Да что! я для глухихъ обѣдню вздумалъ пѣть:
Полмертвый пуще всѣхъ боится умереть!

КОНЕЦЪ.

TAYLOR IN... OXFORD

Digitized by Google

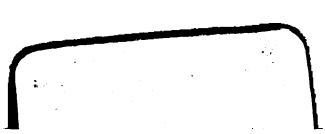
Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google



Digitized by Google